2069.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. № 3. 15 ГЕНВАРЯ 1879.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Цѣна подписки:
На 1 годъ . . . . . 6 руб.
„ ½ года . . . . . 3 „
Цѣна отдѣльнаго №:
въ Петербургѣ . . . 25 к.
„ провинціи . . . . 35 „

Подписчики получаютъ безплатно всѣ изд. „Нет. Вольн. Тип.“

Подписка на журналъ, а также корреспонденціи и статьи принимаются у лицъ, публикѣ извѣстныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи. — **Фельетонъ.** Народная молва. — **Письмо С. Н. Бобохова.** — **Новый оппонентъ** (Отвѣтъ „Вѣстнику Европы“). — **Корреспонденціи.** Съ фабрики Кенига. — Съ донецкой каменноугольной желѣзной дороги. — **Наши домашнія дѣла.** Правительственные документы. — Аресты и обыски. — Студенческія волненія. — Земство и администрація. — Татарскія волненія. — Чума. — **Изъ-за границы.** — **Библіографія.** — **На свѣжую воду!** (Мелкія извѣстія, замѣтки, курьезы, слухи). — **Объявленія.**

Въ Литовскомъ замкѣ скончался въ началѣ декабря судившійся по прошлогоднему большому процессу бывшій народный учитель, изъ крестьянъ Вологодской губ., ФЕОФАНЪ НИКАНДРОВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Извѣстіе о его кончинѣ запоздало, потому что полиція держала его въ тайнѣ, и передъ смертію ему было отказано даже въ послѣднемъ свиданіи съ близкими людьми. Возмутительныя подробности этого событія сообщимъ впослѣдствіи.

„Основная задача соціально-революціонной партіи — установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ мелкихъ и крупныхъ народныхъ движеніяхъ и повсемѣстно присущи народному сознанію, — составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи“.

(См. „Рѣчь Мышкина“)

Было время, когда творить соціальные перевороты считалось дѣломъ сравнительно очень нетруднымъ. Стоило устроить заговоръ, захватить въ свои руки власть и затѣмъ обрушиться на головы своихъ подчиненныхъ рядомъ благодѣтельныхъ декретовъ. Человѣчество считали способнымъ «познать по приказанію начальства» и провести въ жизнь любую истину. Такое воззрѣніе свойственно было, впрочемъ, не однимъ революціонерамъ. Оно вытекало изъ общаго взгляда на соціальныя явленія, по которому всѣ они обусловливаются волею одного или нѣсколькихъ лицъ, держащихъ «кормило правленія». Въ исторіи каждаго народа можно насчитать нѣсколько болѣе или менѣе эксцентричныхъ законодателей, мечтавшихъ перестроить страну по планамъ, выдуманнымъ въ ихъ кабинетахъ и санкціонированнымъ ихъ властью. Это было время теологическаго періода въ развитіи соціологіи. Какъ въ природѣ, во время господства этого періода въ естествознаніи, всѣ явленія объяснялись волею одного или нѣсколькихъ божествъ, такъ и въ обществѣ, ходъ его развитія предполагался зависящимъ исключительно отъ вліянія законодательной власти.

Развитіе болѣе правильныхъ взглядовъ на соціальныя явленія необходимо должно было вытѣснить вышеупомянутыя теоріи общественнаго обновленія, и только небольшая кучка революціонеровъ держится ихъ въ настоящее время.

Когда убѣдились, что исторія создается взаимодѣйствіемъ народа и правительства, причемъ за народомъ остается гораздо большая доля вліянія,—большинство революціонеровъ перестало мечтать о захватѣ власти. Они поняли, что перевороты бываютъ гораздо болѣе прочными, когда они идутъ снизу. И вотъ явилось множество разработанныхъ до мельчайшихъ деталей соціальныхъ системъ, которыя предполагалось пропагандировать въ массѣ, чтобы такимъ образомъ подготовить ее къ желательному для революціонеровъ соціальному перевороту.

«Соціалистическіе писатели 30-хъ и 40-хъ годовъ» — говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ и популяризаторовъ Маркса — «составили, какъ извѣстно, громадное множество плановъ желательнаго въ интересахъ большинства народонаселенія кооперативнаго устройства будущаго общества. При этомъ, естественно, предполагалось, что люди могутъ по собственному желанію ввести въ употребленіе какую имъ угодно форму сочетанія труда, лишь бы она казалась имъ выгодною и разумною.»

Поскольку эти взгляды обусловливали собою измѣненіе старой формулы революціонеровъ «все для народа» въ томъ смыслѣ, что все должно быть сдѣлано посредствомъ народа,—они были шагомъ впередъ въ воззрѣніяхъ соціалистовъ, но и они не отводили надлежащаго мѣста законамъ общественнаго развитія. «Забывали,»—говоритъ далѣе цитированный нами писатель—«что форму общественнаго строя нельзя придумать, нельзя и воротить назадъ, какъ невозможно перескочить изъ ремесла, помимо мануфактуры, въ фабрику, и изъ фабрики въ мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью». А на жизнь-то соціалисты 30-хъ и 40-хъ гг. и не обратили вниманія. Придуманная ими форма общежитія считалась годною для общества, какова бы ни была его экономическая исторія: они не знали предѣловъ своей реформаторской фантазіи. Метафизическая сущность—пропаганда считалась способною измѣнять по произволу ходъ исторіи. Мысль считалась всѣмъ, жизнь — ничѣмъ. Серьезное вниманіе на тѣ элементы соціальныхъ переворотовъ,

Т. М. Г. 13923/17

которые составляютъ результатъ предшествующей жизни общества, соціалисты обратили очень недавно.

Родбертусъ, Энгельсъ, Карлъ Марксъ, Дюрингъ образуютъ блестящую плеяду представителей позитивнаго періода въ развитіи соціализма. У автора «Капитала» соціализмъ является самъ собою изъ хода экономическаго развитія западно-европейскихъ обществъ. Марксъ указываетъ намъ, какъ сама жизнь намѣчаетъ необходимыя реформы общественной кооперации страны, какъ самая форма производства предрасполагаетъ умы массъ къ принятію соціалистическихъ ученій, которыя до тѣхъ поръ, пока не существовало этой необходимой подготовки, были безсильны не только совершить переворотъ, но и создать болѣе или менѣе значительную партію. Онъ показываетъ намъ—когда, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ соціалистическая пропаганда можетъ считаться производительною тратою силъ. «Когда какое нибудь общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія,» говоритъ онъ, «оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя формы своего развитія, ни отмѣнить ихъ при помощи декрета; но оно можетъ облегчить и сократить мученія родовъ». Вліянію пропаганды онъ указываетъ, такимъ образомъ, предѣлы въ экономической исторіи общества. Дюрингъ, признавая вполнѣ вліяніе личностей на ходъ общественнаго развитія, прибавляетъ, что дѣятельность личности должна имѣть «широкую подкладку въ настроеніи массъ».

Казалось бы, что научное обоснованіе соціализма ничего, кромѣ пользы, для него принести не можетъ. На дѣлѣ вышло не такъ. Самъ Марксъ не предвидѣлъ, вѣроятно, какіе выводы сдѣлаютъ изъ его ученія люди, которымъ нужно во что бы то ни стало поддержать существующій порядокъ вещей. Мы говоримъ о выводахъ, которые дѣлаютъ изъ его ученія наши либеральные публицисты. «Въ Россіи соціализмъ!—восклицаютъ они—да самъ ересіархъ Марксъ не подписалъ бы ему permi de sejour въ нашемъ отечествѣ. Вѣдь онъ признаетъ, что соціалистическая продукція должна развиться изъ капиталистической, и было время въ западной Европѣ, когда останавливать развитіе зарождавшагося капитала значило поворачивать назадъ колесо исторіи; вотъ почему Лассаль называетъ крестьянскія войны въ Германіи реакціонными. Россію нельзя еще назвать страной капиталистической продукціи въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Марксъ. Капиталистическое производство требуетъ для своего развитія образованія класса «свободныхъ отъ всего» и «вольныхъ какъ птица» пролетаріевъ, а у насъ никакого обезземеленія мужиковъ не было; напротивъ, наши крестьяне освобождены съ землей и крестьянская община служитъ лучшимъ оплотомъ противъ развитія пролетаріата. Россія застрахована отъ язвы соціализма (блаженъ кто вѣруетъ!). Законъ смѣны экономическихъ фазисовъ—есть общій законъ для всякаго общества и если вашимъ теоріямъ и суждено когда нибудь осуществиться, если соціалистическую пропаганду и можно считать раціональной на Западѣ, то въ Россіи она и по Марксу несвоевременна!» — Поэтому,—доскажемъ мы недосказанное въ писаніяхъ нашихъ оппонентовъ—задача русскихъ послѣдователей Маркса заключается въ томъ, чтобы покровительствовать развитію отечественной промышленности, измѣнить вѣковымъ традиціямъ своего народа и обезземеливать его, утѣшаясь сознаніемъ того, что все это необходимо для развитія соціализма въ Россіи.

Что касается до русскихъ либераловъ, то имъ къ подобной двойственности не привыкать стать: извѣстно, что они издавна имѣли одну мѣрку для Запада, другую для Россіи; что, сочувствуя расширенію правъ человѣка въ Европѣ, они нѣли панегирики расширенію правъ квартальныхъ надзирателей у себя дома. Наши вольтеріанцы бывали нерѣдко самыми ярыми крѣпостниками; либеральный другъ энциклопедистовъ — Екатерина II крестьянскими душами платила за свои египетскія ночи. Еще Денисъ Давыдовъ воспѣлъ эту двойственность въ стихѣ:

А глядишь—нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабриціи
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Но такія вещи могутъ продѣлывать только люди, у которыхъ искренняго отношенія къ проповѣдуемымъ ими убѣжденіямъ ровно столько же, сколько его было у римскихъ авгуровъ временъ Имперіи или сколько его есть у русскихъ либераловъ временъ Александра II. Соціалистамъ же, доказавшимъ не одинъ разъ, что они не отдѣляютъ слова отъ дѣла, класть мужика подъ усовершенствованный прессъ капиталистическаго производства—вовсе не къ лицу.

Посмотримъ же, къ чему обязываетъ насъ ученіе Маркса, тѣмъ болѣе, что это будетъ очень полезно намъ въ виду необходимости установить исходные пункты нашей программы.

Общество не можетъ перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, когда оно напало на слѣдъ естественнаго закона этого развитія, говоритъ Марксъ. Значитъ, покуда общество не нападало еще на слѣдъ этого закона, обусловливаемая этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него не обязательна.

Естественно возникаетъ вопросъ: когда же западно-европейскія общества—служившія объектомъ наблюденія для Маркса—напали на этотъ роковой слѣдъ? Намъ кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западно-европейская община. Извѣстно, что она разрушилась еще въ борьбѣ со средневѣковымъ феодализмомъ. На мѣсто общиннаго принципа, съ его правомъ на землю каждаго гражданина, сталъ сначала тотъ феодальный принципъ, что право на землю дается только рожденіемъ, затѣмъ буржуазный принципъ—что землею можетъ владѣть всякій, кто въ состояніи заплатить за нее деньги.

Самый серьезный кризисъ западно-европейскія общества пережили именно тогда, когда разрушеніе общины видоизмѣнило типъ земельныхъ отношеній въ народѣ. Чѣмъ обусловилось паденіе западно-европейской общины — для насъ теперь не важно; мы констатируемъ только фактъ замѣщенія индивидуализмомъ общиннаго принципа. Постепенно развиваясь, инди

видуализмъ, по внутренней необходимости, долженъ былъ подкопать феодализмъ, съ помощью нарождавшагося капитала, научныхъ открытій и изобрѣтеній.

Феодализмъ дѣйствительно палъ подъ соединенными ударами своихъ могучихъ противниковъ; но не надо забывать, что «духъ, сообщившій этому движенію жизнь, одушевлявшій эти открытія,—былъ духъ личности, индивидуализма... Этотъ принципъ нашелъ свое политическое воплощеніе и произвелъ общественныя потрясенія—американскую революцію и французскій переворотъ» (Дрэперъ). Войдя всецѣло въ жизнь западно-европейскихъ народовъ, пропитавши собою всѣ взаимныя отношенія людей, онъ, естественно, могъ погибнуть только вслѣдствіе въ немъ самомъ заключавшихся противорѣчій; а эти послѣднія могли выказаться во всей своей силѣ только въ капиталистической продукціи. Сплачивая большія массы рабочихъ на фабрикахъ, создавая общіе имъ всѣмъ интересы, пріучая ихъ къ той «соціализаціи труда», на которую указываетъ Марксъ, однимъ словомъ, воспитывая въ людяхъ соціальныя привычки, которыя были забиты со времени паденія общины, индивидуализмъ рылъ самъ себѣ могилу, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что соціализмъ встрѣчаетъ такой радушный пріемъ въ мѣстностяхъ крупнаго, машиннаго производства. Понятно поэтому все значеніе капитализма—этой крайней формы воплощенія индивидуализма—въ дѣлѣ подготовленія умовъ рабочихъ массъ къ воспріятію соціалистическихъ ученій. Въ обществѣ, построенномъ на принципѣ индивидуализма, но въ которомъ не существуетъ соціализаціи труда на фабрикахъ и крупная промышленность не создаетъ общихъ интересовъ рабочихъ массъ, соціализмъ необходимо долженъ былъ встрѣтить гораздо болѣе холодный пріемъ. Различныя соціалистическія «утопіи» появлялись и въ средніе вѣка, но тогда соціализмъ былъ исповѣдуемъ отдѣльными личностями, въ лучшихъ случаяхъ создавалъ религіозно-коммунистическія секты; массовымъ же движеніемъ онъ сталъ только теперь, въ классическое время капитализма, когда самою техникою производства люди обязываются къ коллективизму: владѣть и работать машиной одному нѣтъ никакой возможности, и рабочіе должны владѣть ею сообща, если не желаютъ оставаться въ вѣчной зависимости отъ фабриканта.

Теперь намъ понятно, почему западно-европейскія общества не могли ни «перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни измѣнить ихъ помощью декрета». Общественныя привычки не могутъ быть измѣнены указомъ, точно такъ же, какъ не могутъ дѣлать скачковъ. Измѣненіе ихъ обусловливается постепеннымъ накопленіемъ самыхъ незначительныхъ видоизмѣненій.

Намъ понятна также роль капитализма въ дѣлѣ постепеннаго сплоченія рабочихъ массъ. На Западѣ онъ дѣйствительно былъ естественнымъ предшественникомъ соціализма; но мы полагаемъ, что ходъ развитія соціализма на Западѣ былъ бы совершенно иной, если бы община не пала тамъ преждевременно. Самъ принципъ общиннаго землевладѣнія не носитъ въ себѣ того неизгладимаго противорѣчія, какимъ страдаетъ, положимъ, индивидуализмъ, поэтому онъ не носитъ въ себѣ самомъ элементовъ своей погибели. Намъ могутъ сказать, что противорѣчіе принципа первобытной общины заключалось въ томъ, что дальше своихъ предѣловъ она ничего не видѣла, что она конкурировала со всѣми другими общинами. Но мы возразимъ, что это было скорѣе въ родовомъ, чѣмъ въ первобытно-общинномъ бытѣ. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, мы укажемъ хоть на донскихъ казаковъ, у которыхъ земля находится во владѣніи отдѣльныхъ общинъ, но каждый членъ ихъ считается вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ всей казацкой области; поэтому онъ можетъ переходить изъ общины въ общину, въ каждой изъ нихъ имѣя право на надѣлъ. И такая земельная и областная федерація общинъ мыслима въ любой странѣ, гдѣ общинный принципъ не искаженъ противоположными ему вліяніями. Точно также возможность общинной обработки земли доказывается тѣмъ, что, даже при теперешнихъ условіяхъ, эта общинная обработка существуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ. Факты эти крайне немногочисленны; но для доказательства того, что общинное владѣніе землею, какъ оно практикуется въ первобытной общинѣ, нисколько не мѣшаетъ коллективной обработкѣ земли, достаточно было бы и одного факта, съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобы онъ не былъ созданъ искусственно. Итакъ, въ принципѣ первобытной общины, какъ она существуетъ, положимъ, въ Россіи, мы не видимъ никакихъ противорѣчій, которыя осуждали бы ее на гибель.

Поэтому, пока за поземельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можемъ считать наше отечество ступившимъ на путь того закона, по которому капиталистическая продукція была бы необходимою станціею на пути его прогресса. Тенденція этого закона будетъ заключаться, напротивъ, въ пониженіи уровня соціальныхъ чувствъ нашего народа, между тѣмъ какъ на Западѣ онъ былъ когда-то явленіемъ дѣйствительно прогрессивнымъ.

Откуда же эта разница въ оцѣнкѣ значенія одной и той же формы кооперація? — спроситъ, быть можетъ, читатель. Не то ли это самое, въ чемъ упрекаете вы либераловъ? — Но вопросъ идетъ не о томъ, хороша или дурна форма капиталистической продукціи сама по себѣ, а о томъ, какую форму кооперація она замѣнила собою. Если замѣненная ею форма общежитія была низшаго типа сравнительно съ нею—общество прогрессировало; если же капитализмъ водворился въ обществѣ, построенномъ на болѣе справедливомъ принципѣ—въ общественномъ развитіи былъ сдѣланъ попятный шагъ.

Посмотримъ же теперь, какъ развился капитализмъ на Западѣ и какъ онъ можетъ развиться у насъ. Въ первомъ случаѣ онъ являлся на смѣну кооперація, хотя и отличной отъ него, но построенной на томъ же принципѣ индивидуализма (мы говоримъ о мануфактурѣ), поэтому «соціализація труда» крупной промышленностью была положительнымъ пріобрѣтеніемъ для соціальныхъ привычекъ народныхъ массъ. У насъ же капитализмъ вытѣснитъ собою поземельную общину, т. е. такую форму кооперація, которая

построена на гораздо болѣе высокомъ принципѣ. И никакая «соціализація труда» на фабрикахъ не вознаградитъ того положительнаго упадка соціальныхъ чувствъ и привычекъ, который произойдетъ вслѣдствіе этого радикальнаго измѣненія въ отношеніяхъ народныхъ массъ къ ихъ главному орудію труда — землѣ.

Вообще, исторія вовсе не есть однообразный механическій процессъ. Да и самъ Карлъ Марксъ не принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, къ числу людей, охотно укладывающихъ человѣчество на Прокустово ложе «общихъ законовъ». Возражая Мальтусу по поводу его «Опыта о народонаселеніи», онъ говоритъ, что абстрактные законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растеній. Было бы очень непослѣдовательно съ его стороны отрицать существованіе «абстрактныхъ законовъ» въ вопросѣ о размноженіи человѣчества и признавать ихъ въ несравненно болѣе сложныхъ и запутанныхъ явленіяхъ развитія человѣческихъ обществъ. Выражаясь строже, надо сказать, что общіе законы соціальной динамики существуютъ, но, переплетаясь и комбинируясь различно въ различныхъ обществахъ, они даютъ совершенно несходные результаты: точно такъ же, какъ одни и тѣ-же законы тяготѣнія даютъ въ одномъ случаѣ эллиптическую орбиту планеты, въ другомъ — параболическую орбиту кометы.

Итакъ, мы не видимъ основательности въ тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ заключаютъ, что Россія *не можетъ* миновать капиталистической продукціи. Поэтому соціалистическую агитацію въ Россіи мы не можемъ считать преждевременною. Напротивъ, мы думаемъ, что теперь она своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, только ея исходная точка и практическія задачи не тѣ, что на Западѣ. Основанія для этой разницы въ революціонныхъ пріемахъ при поверхностномъ взглядѣ могутъ показаться не заслуживающими особеннаго вниманія; но мы думаемъ, что много «разочарованій» было бы избѣгнуто, много напрасно затраченныхъ силъ получило бы должное приложеніе, если бы это различіе въ задачахъ русскихъ и западноевропейскихъ соціалистовъ было выяснено раньше.

Въ чемъ же дѣло?

Задачи соціально-революціонной партіи не могутъ быть тождественны въ двухъ обществахъ, экономическая исторія, современныя формы общественныхъ отношеній которыхъ представляютъ очень рѣзкую разницу. Если мы не хотимъ вернуться къ метафизическому соціализму 30-хъ гг., мы должны признать, что максимумъ необходимыхъ и возможныхъ соціальныхъ реформъ опредѣляется формою землевладѣнія и техникою земледѣлія, если рѣчь идетъ о странѣ земледѣльческой,—формами и техникой промышленности, если говоримъ о странѣ, въ которой преобладаетъ обрабатывающая и добывающая промышленность.

Поясникъ нашу мысль примѣромъ. Возьмемъ два общества, положимъ, по 50 человѣкъ. Одно изъ нихъ пусть состоитъ изъ рабочихъ ткацкой фабрики, гдѣ каждый станокъ составляетъ часть одной паровой машины. Если этимъ фабричнымъ рабочимъ надоѣстъ работать на хозяина, то, какъ мы уже говорили выше, никакого другого способа владѣнія этой машиной, кромѣ коллективнаго, имъ и придумать невозможно. Поэтому, соціально-революціонная агитація на этой фабрикѣ *можетъ и должна* выставить на своемъ знамени принципъ коллективнаго владѣнія орудіями труда: техника производства создаетъ необходимую для этого коллективизма подготовку въ умахъ и характерахъ рабочихъ. Допустимъ теперь, что другіе 50 человѣкъ составляютъ деревенскую общину. Пусть въ этой общинѣ практикуется экстенсивная культура земли. Самое употребительное при такой обработкѣ земледѣльческое орудіе — соха, съ которою, какъ извѣстно, можетъ съ удобствомъ управляться одинъ рабочій. Если эта община подвержена экономической эксплуатаціи со стороны государства или сосѣдняго крупнаго землевладѣльца, то насущною задачею революціонера будетъ устраненіе этихъ мѣшающихъ благосостоянію и дальнѣйшему развитію общины враждебныхъ вліяній; пропаганда же коллективнаго труда станетъ на очереди при замѣнѣ экстенсивной культуры земли интенсивною и первобытныхъ сохъ орудіями, по самой природѣ своей требующими коопераціи всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ общины. Когда эта община увидитъ необходимость завести, положимъ, паровой плугъ, то пропаганда коллективнаго владѣнія этимъ плугомъ будетъ несомнѣнно успѣшна. «L'humanité agit avant de raisonner sur action», и тѣ или другія формы общественныхъ отношеній устанавливаются не «общественнымъ договоромъ», а экономической необходимостью; роковая ошибка соціалистовъ 30-хъ г. г. заключалась не въ планахъ ихъ, разсматриваемыхъ безотносительно, а въ томъ, что эти реформаторскіе планы совершенно игнорировали формы современной имъ коопераціи.

Искреннихъ и безкорыстныхъ друзей человѣчества всегда и вездѣ было очень и очень мало; тѣмъ съ большей осмотрительностью должны они браться за практическую дѣятельность; тѣмъ строже должны они держаться правила: прикладывать свои силы только тамъ и тогда — гдѣ и когда онѣ принесутъ наибольшую пользу.

Желательныя соціалистамъ формы общественныхъ отношеній — коллективное владѣніе землею и орудіями труда — еще не имѣютъ практическаго приложенія на Западѣ. Въ формахъ капиталистической продукціи существуетъ только намекъ на нихъ. Поэтому задачи соціально-революціонной партіи заключаются въ обобщеніи этихъ элементовъ общественнаго обновленія, возведеніи ихъ въ стройную систему и въ пропагандѣ въ массахъ.

Способъ капиталистической продукціи таковъ, что пропаганда коллективнаго труда имѣетъ столько же прецедентовъ въ техникѣ производства, какъ и пропаганда коллективизма владѣнія; даже болѣе: воспріимчивость массъ къ этой послѣдней идеѣ развивалась именно изъ факта коллективнаго труда и только изъ него.

Въ нашемъ отечествѣ дѣло обстоитъ не такъ. Россія — страна, въ которой земледѣльческое населеніе составляетъ громадное большинство. Промышленныхъ

рабочихъ въ ней едва ли можно насчитать даже одинъ миллiонъ *), да и изъ этого сравнительно ничтожнаго числа большинство—земледѣльцы по симпатiямъ и положенiю. Преобладающая форма землевладѣнiя въ Россiи не только не нуждается въ пропагандѣ, но составляетъ самую характерную черту въ отношенiяхъ нашего крестьянства къ землѣ, она составляетъ для крестьянина завѣтъ всей его исторiи.

Коллективный трудъ не только не служитъ у насъ прецедентомъ коллективнаго владѣнiя, но, напротивъ, онъ самъ можетъ развиться только изъ этого послѣдняго. Генезисъ этихъ двухъ главныхъ чертъ соцiалистической продукцiи, какъ видитъ читатель, будетъ у насъ совершенно обратный. Мы говоримъ «будетъ», потому что теперь, по нашему мнѣнiю, не настало еще время пропаганды коллективнаго труда. А не настало оно потому, что при томъ первобытномъ способѣ земледѣлiя, какой практикуется нашимъ крестьянствомъ, коллективный трудъ немного измѣнилъ бы условiя успѣшности труда. Тамъ же, гдѣ успѣшность труда находится въ большей зависимости отъ дружнаго, артельнаго веденiя дѣла—во всевозможныхъ промыслахъ—такая пропаганда можетъ и должна имѣть успѣхъ. Но тамъ мы и безъ того видимъ всесторонее проведенiе артельнаго принципа въ отношенiи русскаго рабочаго люда; если наши промышленныя артели и клонятся къ упадку, то главная причина этого заключается во вредномъ вліянiи кулаковъ, существованiе которыхъ такъ же необходимо въ нынѣшнемъ государствѣ, какъ существованiе паразитовъ на тѣлѣ нечистоплотнаго человѣка. Значитъ, главныя усилiя и здѣсь должны быть направлены на устраненiе развращающаго вліянiя современнаго государства. А оно можетъ быть устранено только окончательнымъ разрушенiемъ государства и предоставленiемъ нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей волѣ»

Короче сказать, одно изъ требованiй западно-европейскаго соцiализма, коллективизмъ владѣнiя, составляетъ у насъ существующiй фактъ; другое, коллективизмъ труда, не имѣетъ подъ собою почвы въ техникѣ русскаго земледѣлiя.

Такимъ образомъ, мы à priori пришли къ тѣмъ же практическимъ задачамъ, которыя ставили себѣ титаны народно-революцiонной обороны: Болотниковъ, Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ и другiе.

Мы пришли къ «Землѣ и Волѣ».

Но тѣмъ самымъ центръ тяжести нашей дѣятельности переносится изъ сферы пропаганды лучшихъ идеаловъ общественности на созданiе боевой народно-революцiонной организацiи, для осуществленiя народно-революцiоннаго переворота въ возможно болѣе близкомъ будущемъ.

Практика 1873–75 гг. привела большинство не зараженныхъ доктринерствомъ революцiонеровъ къ тѣмъ же выводамъ. Вотъ что говорилъ одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей тогдашняго движенiя, Мышкинъ, передъ особ. присутствiемъ правительствующаго сената, 15 Ноября 1877 г. «Наша практическая задача—говорилъ онъ—должна состоять въ сплоченiи, въ объединенiи революцiонныхъ силъ, революцiонныхъ стремленiй, въ сліянiи двухъ главныхъ революцiонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже достаточную силу — въ интелигенцiи, и другого, болѣе глубокаго, болѣе широкаго, никогда не изсякавшаго потока — народно-революцiоннаго!»

Въ слѣдующихъ №№ мы постараемся показать, какiя данныя существуютъ въ нашей исторiи и современной дѣйствительности для созданiя революцiонной организацiи; теперь же мы желаемъ предупредить одно очень вѣроятное возраженiе. Трудно строить практическую программу—скажутъ намъ—на основанiи земельныхъ отношенiй, которыя не сегодня-завтра могутъ быть разрушены правительственными распоряженiями. Извѣстно, что правительство начинаетъ выказывать большую склонность къ введенiю участковаго землевладѣнiя; а когда оно будетъ введено, русскiй народъ станетъ на слѣдъ того закона, по которому только капитализмъ можетъ привести его къ соцiалистической общинѣ.—Это не совсѣмъ такъ. Введенiе той или другой формы кооперацiи важно по тому вліянiю, которое оказываетъ она на измѣненiе народныхъ привычекъ. Что коренного измѣненiя народнаго характера нельзя ожидать тотчасъ же за паденiемъ общины — эту вполнѣ понятную и à priori мысль доказываютъ нѣкоторые факты изъ жизни Малороссовъ. Вліянiе чуждой имъ польской культуры разрушило ихъ поземельную общину уже нѣсколько вѣковъ назадъ. Между тѣмъ, надѣлавшее столько шума «чигиринское дѣло» началось именно изъ-за стремленiя крестьянъ ввести у себя общинное землевладѣнiе. Такихъ фактовъ, конечно, не много, но они доказываютъ, что коренного измѣненiя не произошло и тамъ.

А покуда «настроенiе» народныхъ массъ останется такимъ же, какъ теперь, наша программа не нуждается въ измѣненiи.

---

*) Мы приводимъ цифры, показывающiя численное отношенiе земледѣльческаго класса, съ одной стороны, и промышленнаго и торговаго—съ другой: въ Англiи, Францiи и Пруссiи:

Классы	Англiя	Пруссiя	Францiя
Земледѣльческiй	7,3 %	17,6 %	13,7 %
Торговый	3,6 %	1,9 %	4,0 %
Промышленный	22,7 %	9,1 %	10,6 %

Точной статистики распредѣленiя населенiя по занятiямъ въ Россiи не существуетъ. Если судить по численности сословiй сельскихъ и городскихъ, то отношенiе будетъ таково:

Промышлен. кл.	10 %
Земледѣльцы	86 %

Распредѣливъ въ процентахъ по занятiямъ одно производительное населенiе Англiи, Пруссiи и Францiи, мы получимъ слѣдующiя цифры:

Классы	Англiя	Пруссiя	Францiя
Земледѣльческiй	17,0 %	48,7 %	37,0 %
Торговый	8,3 %	6,8 %	11,0 %
Промышленный	52,5 %	25,6 %	28,1 %

(См. „Сравн. статист.“ Янсона, 98—106 стр.)

Эти цифры указываютъ на громадную разницу въ хозяйственномъ укладѣ Россiи и главныхъ европейскихъ странъ—разницу, имѣющую громадный интересъ для всякаго практическаго дѣятеля въ Россiи.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

НАРОДНАЯ МОЛВА. *)

„Коли колоколъ гудитъ, такъ и службѣ быть!"—обрывалъ меня одинъ пахарь-лапотникъ, когда на всѣ доводы его о предстоящемъ передѣлѣ земли я отвѣчалъ полнѣйшимъ недовѣріемъ. Помню—это было года три назадъ, въ одно изъ моихъ скитаній по району густонаселенной черноземной полосы: земли тутъ мало, аренда высока, а отъ стороннихъ заработковъ, оказывающихъ хоть какую-нибудь поддержку крестьянству въ другихъ мѣстахъ, здѣшнему пахарю остается, по его мѣткому выраженію, ни больше, ни меньше, какъ „чирей, да болячка, да третій горбъ". Казна же—ну она и здѣсь, какъ и вездѣ, разумѣется, спуску не дастъ. Поборы духовенства врядъ ли гдѣ выше здѣшнихъ: за свадьбу, напр., эту часто экономически-необходимую сдѣлку въ быту крестьянства, берутъ не менѣе 12 и 15 руб.; берущихъ меньше сосѣдніе попы обвиняютъ уже въ желаніи лебезить передъ крестьянами, въ подрывѣ ихъ авторитета, а значитъ и „основъ". Кулачество, обусловливаемое двумя вредшествующими явленіями, привилось тутъ какъ нельзя лучше. Живетъ тутъ, словомъ, крестьянскій людъ попстинѣ голодный, а межъ тѣмъ, сосѣдніе десятитысячные участки разныхъ князей, кулаковъ и другихъ проходимцевъ—являются для него кусомъ дѣйствительно повадпымъ, и потому—вѣчно мучительнымъ вопросомъ. Понятно, поэтому, съ какой затаенной радостью выслушиваетъ онъ всевозможные разсказы о своей судьбѣ и особенно о „передѣлѣ" и съ какой глубокой вѣрой онъ отстаиваетъ ихъ. Впрочемъ, таково или почти таково положеніе крестьянства во всей Россіи, и повсюду, поэтому, вы услышите ту-же непоколебимую увѣренность въ необходимости перемѣнъ. Приходится выслушивать по этому поводу отъ нихъ иной разъ замѣчательно поучительные аргументы—что и было недавно съ однимъ моимъ знакомымъ, случайно разыгрывавшимъ роль барина.—„Знамо дѣло", поучали его тверитяне-плотники, „вашъ братъ баринъ и до воли (61 г.) величался и говаривалъ, что никакой-де мужицкой воли не будетъ, что ее тогда развѣ дадутъ, когда съ камня лыки будутъ драть,—ну вотъ лыкъ-то съ камня и не драли, а волю все-таки дали!—то-же будетъ и съ землей!", добавили они.

Положимъ, волю точно что дали, да крестьянамъ-то она пришлась далеко не по вкусу; тутъ именно: „просимъ покорно, наступя на горло". Потому-то въ одномъ изъ имѣній, напр., крестьяне, какъ сообщали „Моск. Вѣд.", не отбывали, а „отбивали" повинности. Нѣкоторые хохлы были такъ порадованы этой самой волей, что слова манифеста: „О с ѣ н и себя крестнымъ знаменіемъ" и пр.—истолковали такъ, что теперь дана не настоящая воля, а настоящую дадутъ въ „о с е н и" и мн. др. Крестьяне не понимали воли безъ земли, на которую имѣли полное право, какъ люди, столько лѣтъ политавшіе ее своимъ потомъ,—и волненія того времени ясно доказываютъ это (см. „Рус. Сл." 61 г. № 6, Серно-Солов.: „Окончат. рѣшеніе крест. вопр." и др.). То-же говоритъ и бывшій прокуроръ Семеновъ, имѣвшій по этому поводу щекотливый разговоръ съ своимъ крестьяниномъ въ Рязанской губ. (Рус. Арх. 74 г., № 8). По той же причинѣ, крестьяне часто соглашались на нищенскіе надѣлы (безплатные) въ полной увѣренности, что скоро земля достанется имъ бездаппо-безпошлинно. Наконецъ, рѣчи Александра II—во время его поѣздки по Россіи—къ выборнымъ крестьянамъ о томъ, что никакой другой воли не будетъ (см. газ. „Мировой посредн."), имѣли въ виду также невѣрное понимапіе воли 19 февраля. Штыки, однако, заставили крестьянъ принять и то, что давали; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они помирились съ своей участью, и слухи о „новомъ передѣлѣ", ходящіе теперь по всей Россіи, ясно доказываютъ это.

Трудно, однако, было крестьянину помириться съ мыслью, что такую штуку отколотъ съ ними самъ царь—существо, по ихъ мнѣнію, справедливое и милостивое,—и вотъ всю вину, по старинѣ, они свалили на баръ и подкупленныхъ ими поповъ. И это было совершенно естественно, потому что недовѣріе къ барамъ проходитъ чрезъ всю исторію крестьянства; оно было причиною массы волненій, и существованіе его долженъ былъ признать даже Ланскій въ своей всеподданнѣйшей запискѣ (Рус. Арх., 69 г.). „Земля-то—разсказывалъ мнѣ одинъ приволжскій крестьянинъ—вся должна была перейти еще въ 61 г. за безцѣнокъ къ мужикамъ, да царя, вишь, надули. Еще до Севастопольской кампаніи задумалъ онъ дать намъ и волю, и землю; узнавши отъ сенаторовъ, что предки ихъ получали землю не больше какъ по рублю за десятину, онъ думалъ отобрать ее и передать за ту-же цѣну намъ: даромъ вѣдь земли никому не давали и наши господа ежегодно отсылали въ казну сколько слѣдовало (такъ, очевидно, смотрѣлъ разсказчикъ на подушныя). Но все дѣло испортила война: царя-то отозвали въ Крымъ, а сенаторы тѣмъ временемъ успѣли поподчистить бумаги, а когда онъ, вернувшись, хотѣлъ уже сдѣлаться съ ними окончательно—заявили, что землю брали, вишь, не по рублю, а несравненно дороже; вотъ потому-то мы и начали платить за свои надѣлы по 6 да по 8 р., а за аренду не хочешь ли отдать и всѣ 15! Ну, да этому уже болѣ не бывать!" добавилъ онъ (почему—я скажу дальше).

Передамъ еще одинъ разсказецъ, указывающій на то-же безграничное недовѣріе. „Эхъ, любезный",—говорилъ мнѣ крестьянинъ изъ сѣверо-западной Россіи—„кабы не бояре, давно бы у насъ было по 10 десятинъ земли и податей не въ примѣръ меньше,—да они то, злы вороги, всему дѣлу вина! Видѣть самому царю наше житье горемычное, знамо дѣло, не доводится,—ну, а они у него—что приказщики, надо всѣмъ поставлены и обо всемъ ему доносятъ, да доносятъ-то и вкривь, и вкось. Вотъ хоть недавно—„узбыхались" это самые наши бояре по деревнямъ собирать всякую что ни на есть лучшую крестьянскую худобу: и скотъ-то, и упряжь, и орудія, и даже нашу праздничную одежу, да што: коли кто выдумалъ своимъ мужицкимъ умомъ что—и то тащи въ городъ: награда, дескать, будетъ! Только мы сильно крѣпились давать-то, а почему?—потому, любезный ты мой, что бояре, собравши все это въ кучу, и покажутъ царю: смотри, молъ, царь-батюшка, какъ мужики-то живутъ да поживаютъ: и скотъ то у нихъ, и одежа, и все какъ должно,—да и народъ, притомъ, не глупый и на выдумки всякія мастакъ (лихой мельникъ тутъ у насъ завелся, ну, и его потянули). Такъ-то! да вотъ и еще былъ тоже случай: начали бояре поговаривать, что слѣдуетъ-де мужикамъ заняться льноводствомъ, потому—доходу отъ него страсть: не огребешься; а коли къ обработкѣ непривычка—порѣшили въ городѣ завести машину. (Ленъ-то, надо сказать, сѣять на мужицкой землѣ куда несподручно: она и рожь плохо родитъ—выпахана больно; вотъ и пришлось бы брать у бояръ задаты—имъ же только то и нужно). [Понятно.] Пока же—надумали они узнать, сколько льну засѣвали мужики прежде (извѣстно, для домашняго обихода), на какой землѣ и каковъ урожай, каковъ ленъ—трепаный или нетрепаный и мн. др.; а собирая, обѣщали, сказываютъ, отдавать землю подъ ленъ не въ примѣръ дешевле, чѣмъ подо что другое. Понятно, что мы на все это ни гу-гу, потому—опять же дѣлаютъ они это для показу: заботятся-де о насъ,—передъ царемъ, значитъ. Ну, да и мы тоже не нынче родились—знаемъ, что когда-нибудь этому будетъ конецъ; къ тому же и сами бояришки-то наши чуютъ это: у насъ одинъ уже выдумалъ недавно продать землю крестьянамъ въ разсрочку, чтобы, значитъ, хоть что-нибудь получить за нее (то-же они дѣлали передъ „волей", позволивши выкупаться всѣмъ и каждому изъ крѣпостныхъ), да они не согласились—потому, все одно, она скоро будетъ нашей и такъ!" Такъ понимаютъ крестьяне самыя лучшія затѣи нашихъ либеральныхъ земцевъ, и такъ относятся они и вообще ко всему, что бы ни исходило отъ бояръ. „Жить такъ дальше нельзя!"—слышится повсюду, и вотъ-вотъ, говорятъ одни, царь все измѣнитъ: во многихъ мѣстахъ уже назначены и сроки передѣла; чаще всего можно слышать, что это должно случиться именно теперь, послѣ окончанія войны. Что касается ближайшихъ поводовъ къ этому, то они часто очень оригинальны. „Засѣдалъ это разъ сенатъ; вотъ и входитъ туда зачѣмъ-то Наслѣдникъ, да не въ своемъ, а въ папенькиномъ мундирѣ", продолжалъ вышеупомянутый приволжскій крестьянинъ свой разсказъ. „Только-што вошелъ это онъ, а сенаторы-то и набросились на него: по какому-же это ты праву явился-то сюда въ царскомъ мундирѣ?—нѣтъ, братъ, не годится такъ своевольничать: сначала заслужи, а тамъ и надѣвай; молодъ еще на наши порядки-то плевать! Ну, и загалдѣли: порѣшили даже составить „ахтъ". Да вишь, на шумъ вошелъ самъ Лександра царь. Сенаторы тотчасъ-же объяснили, какъ и почему поднялся у нихъ такой гвалтъ. Выслушавши ихъ, царь больно опечалился и сказалъ: и охота-же вамъ изъ-за этого подымать такую голдовню-то: ну, сказали бы мнѣ, а я по домашнему пожурилъ бы сына—тѣмъ все бы и кончилось. А то, вишь, ужъ и „ахтъ" составили—нельзя-же такъ!—Нѣтъ, ваше амнираторское величество, ужъ коли онъ и при вашей жизни не блюдетъ нашихъ порядковъ, что же будетъ послѣ? допустить этого мы никакъ не можемъ!—Слушалъ, слушалъ все это Наслѣдникъ, да наконецъ и заговорилъ: Такъ и ты, папенька, за нихъ! Хорошо-же! А что, господа сенаторы, вы какъ—жалованье-то за службу получаете?—Точно такъ, ваше высочество!—Ну, а землю имѣете? и если кто имѣетъ, то какъ она досталась ему?—Да, имѣемъ, отвѣчали тѣ; а досталась она намъ отъ предковъ по наслѣдству.—Такъ: а какъ вы полагаете, господа сенаторы, что у насъ, на Руси—напр., хоть въ мужицкомъ али купецкомъ быту—имѣетъ ли право сынъ носить одежду отца при жизни его и по смерти, али нѣтъ? Тѣ отвѣчали ему, что у насъ завсегда такъ бываетъ. Такъ какъ же вы полагаете, господа сенаторы, ужели мой покойный дѣдушка али папенька не заслужили для меня мундира и ужели я не имѣю права на-

---

*) Слышано все или мною, или товарищами, которымъ я безусловно довѣряю. Ю.

дѣть мундиръ папенька? По вашему выходитъ—нѣтъ. Ну, коли такъ, то и вы сначала заслужите землю, а потомъ и владайте ею; тотъ же, кому досталась земля по наслѣдству, отнынѣ навсегда ее лишится! Съ тобой-же, папенька,—обратился онъ къ Лександру—мнѣ нужно переговорить кое о чемъ наединѣ,—взялъ его за руку и вышли вмѣстѣ изъ сената. И вотъ, братецъ ты мой, продолжалъ разсказчикъ, вышло съ тѣхъ поръ новое положеніе, по которому всякій, кто бы онъ ни былъ — царскій-ли сынъ, панскій-ли, али крестьянскій — все едино, долженъ прослужить сначала въ военной службѣ, и тогда уже вправѣ пользоваться землею (воинская повинность). Теперь всѣ, кто вернется съ этой войны, получатъ по 10 десятинъ на брата—это ужь вѣрно: прямо паши панскую землю—никто слова не скажетъ!“ Убѣжденіе это распространилось и между вернувшимися съ войны солдатами: одинъ, напримѣръ, убѣждалъ въ этомъ одного моего знакомаго, одѣтаго по барски; другой силился доказать то же недовѣрчивому желѣзнодорожному жандарму, ссылаясь на то, что онъ въ Питерѣ самъ видѣлъ бумагу объ этомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мотивируютъ передѣлъ тѣмъ, что этого будто потребовалъ отъ царя Скобелевъ — самъ кантонистъ (слышалъ отъ монаха). Поговариваютъ иной разъ, что передѣлъ сдѣлаетъ Константинъ, когда взойдетъ на престолъ. — „А какъ полагаешь, Иванычъ, обратился однажды пріятель-крестьянинъ къ моему знакомому, отчего это турки раздѣваютъ нашихъ, что называется на чистоту?“ —Потому, объяснялъ ему тотъ, что начальство наше глупо и притомъ воръ воромъ погоняетъ и пр.—„Нѣтъ, не то говоришь ты, перебилъ его мужикъ; сказываютъ, што Константинъ, вишь, туркамъ передался и идетъ войной на брата: вотъ житье-то настанетъ нашему брату — вѣдь онъ, сказываютъ, и есть настоящій, мужицкій царь!“ (См. также: „Лжедмитрій“ Мордовцева). Говорятъ еще, что землю дастъ какой-то царь Михаилъ, который съ новаго года займетъ престолъ Александра, потому что тотъ самъ, будто, откажется отъ него. Довелось разъ слышать мнѣ на югѣ, что отъ земли откажутся сами баре, и потому, будто, что теперь вышло новое положеніе, по которому съ каждыхъ ста десятинъ помѣщики обязаны поставлять по рекруту—„такъ откуда же имъ набраться денегъ на это?—ну, и навѣрно откажутся отъ земли; передавалъ же это мнѣ большой человѣкъ, здѣшній князь Х.,“ — добавилъ разсказчикъ.

Однако надежды на милостивый передѣлъ существуютъ только въ извѣстной части русскаго народа и, преимущественно, въ самой обездоленной и забитой. Тамъ же, гдѣ были случаи убѣдиться на опыту, что интересы крестьянства игнорируются царемъ, о надеждахъ на него не можетъ быть и рѣчи. Всякому, близко стоявшему къ народу, извѣстно напримѣръ, что тамъ, гдѣ посылали къ царю ходоковъ, и гдѣ, разумѣется, кромѣ напрасной траты и путешествія по этапу этихъ послѣднихъ, ничего не выходило, — народъ съ явной злобой относится ко всѣмъ слухамъ и надеждамъ на милостивый передѣлъ. Мнѣ однажды пришлось стать въ такое неловкое положеніе у тверскихъ удѣльныхъ крестьянъ, приводившихъ въ доказательство безплодности обращеній къ царю опытъ не только свой, но и крестьянъ одной изъ мѣстностей Калужской губ. Нечего и говорить, что въ промышленныхъ центрахъ, вообще въ бойкихъ мѣстностяхъ, у людей бывалыхъ царь навсегда утерялъ свое обаятельное значеніе, вслѣдствіе большаго знакомства съ житьемъ его и Двора. Петербургскіе и московскіе извощики много помогаютъ этому. Искалѣченные солдаты также разносятъ компрометирующіе слухи по всей Россіи; особенно помогла и поможетъ въ этомъ отношеніи послѣдняя война, въ которую нашимъ солдатамъ достаточно пришлось насмотрѣться на всевозможныя жульническія продѣлки начальства, прикрываемыя августѣйшими особами; по словамъ, напр., одного изъ солдатъ, Константинополь только и не былъ взятъ потому, что Числовой, содержанкѣ Ник. Ник., было поднесено султаномъ драгоцѣнное ожерелье.

Вмѣстѣ съ потерею такой вѣры, крестьяне впадаютъ въ какое-то мрачное отчаяніе, или дѣйствительно берутся за умъ. Въ одной, напримѣръ, мѣстности распространилось убѣжденіе, что коли и послѣ войны не будетъ передѣла, то прямо слѣдуетъ приступить къ къ запашкѣ помѣщичьихъ земель. Начинаютъ также поговаривать (слышалъ отъ торговцевъ и простыхъ крестьянъ) о возвращеніи Пугачевщины и временъ Разина; странники и монахи предсказываютъ какое-то междоусобное кровопролитіе, долженствующее произойти въ 1880 г., во время котораго будетъ перебито много народу, а между оставшимися все имущество будетъ подѣлено по-ровну. Во многихъ уже мѣстахъ начинаются систематическіе поджоги помѣщичьихъ усадебъ, которыми думаютъ добиться тѣхъ или иныхъ результатовъ; приведу здѣсь одинъ изъ образцовыхъ примѣровъ такой борьбы крестьянства. У одного помѣщика крестьяне сѣли на даровой надѣлъ, а пока—до новой воли, принанимали землю у него же. Въ первые годы дѣло шло спокойно, но затѣмъ недоразумѣнія между управляющимъ имѣнія и мужиками начали возникать все чаще и чаще и наконецъ—послѣдніе пустили краснаго пѣтуха: все имѣніе до тла сгорѣло. Но скоро на мѣстѣ старыхъ плетневыхъ построекъ возникли новыя, крытыя тесомъ, усиленъ былъ надзоръ, а притѣсненія возросли пропорціонально укрѣпленію. Земля и лѣсъ обнесены были межами и рвами, за предѣлами которыхъ брали штрафъ. Дѣлать было нечего—и крестьяне вынуждены были спалить имѣніе во второй разъ. Снова обстроился нашъ помѣщикъ и еще надежнѣй—камень да желѣзо, да еще и застраховалъ все. Однако и въ третій разъ спалили, засунувъ какой-то воспламеняющійся матеріалъ въ сіоны, предназначавшіеся для сушки въ овинахъ. Управляющій подвергся было горькой участи, такъ какъ флигель, въ которомъ онъ жилъ и находился въ то время, былъ заперть и подпаленъ. Затѣмъ спалили еще 112 скирдъ хлѣба, обладивши дѣло такъ, что страховое общество было избавлено отъ уплаты стоимости погорѣвшаго. Согласилось оно принять хлѣбъ, видите-ли, только подъ условіемъ, чтобы разстояніе между скирдами было менѣе 10 саженъ: мужики, узнавши объ этомъ, клали хлѣбъ такъ, что скирды были другъ отъ друга въ 9—9½ саженяхъ, для чего работали даже по ночамъ, чтобы измѣнить то, что было сдѣлано днемъ. Обозлили въ конецъ помѣщика и вздумалъ онъ воздвигнуть цѣлое укрѣпленіе, а крестьянъ наказать отказомъ отъ работы, замѣнивъ ихъ рабочими изъ другихъ мѣстъ. Но первое крестьяне обошли тѣмъ, что подали заявленіе губернатору о таковомъ угнетеніи, угрожая стереть помѣщика съ лица земли, если имъ не помогутъ: что же касается найма рабочихъ, то они по опыту знали, что мѣра эта имъ не страшна, и вотъ почему. Солидарность этихъ 3,000 душъ была удивительная; о виновникахъ пожаровъ, напр., никогда не могли собрать ровно никакихъ свѣдѣній: всѣ тутъ пѣли подъ одну дудку—и свои, и пришлые. Передававшій мнѣ разсказъ мордвинъ изъ другой губерніи испыталъ это на себѣ. Нанявшись въ это имѣніе машинистомъ, онъ въ то же время обязался нести отвѣтственность за цѣлость умолота; но съ перваго же дня убѣдился въ невозможности этого. Рабочіе тащили безъ всякаго зазрѣнія все, что попадалось подъ руку, а на заявленіе его, что онъ не можетъ допустить такого воровства—ему напомнили, что съ волками жить—такъ или по волчья выть, или съѣдену быть. Онъ однако не вразумился этимъ и донесъ управляющему, который, снабдивъ его должными на этотъ счетъ разъясненіями, вручилъ ему, на всякій случай, револьверъ. Пустить въ ходъ это усовершенствованное орудіе, пригодное, какъ видите, и въ быту нашихъ помѣщиковъ при эксплуатаціи труда, ему не пришлось, такъ какъ въ одну ночь онъ былъ схваченъ нѣсколькими дюжими парнями, избитъ и отпущенъ съ условіемъ—или жить по пословицѣ, или убираться на всѣ на четыре.—„Народъ дошлый, что и говорить!—закончилъ разсказчикъ—тягаться съ такими не рука, ну—я и подался оттуда.“ Насколько справедливъ этотъ фактъ—ручаться не могу, но никто изъ слушателей (дѣло было на волжскомъ пароходѣ) не возражалъ на него. Кромѣ системы поджоговъ, начинаютъ организовываться союзы, подобные ирландскому риббонменству; но распространяться объ этомъ, какъ и вообще о подпольной работѣ крестьянства, не дѣло этой статьи, да и писать-то объ этомъ не стать.

Передамъ, подъ конецъ, два очень характеристичные разсказа, указывающіе на повсемѣстное распространеніе слуховъ о передѣлѣ. Первый касается уральскихъ казаковъ и слышанъ мною на Волгѣ отъ воронежскаго мужика, возвращавшагося изъ Сибири, куда былъ посланъ своей округой для развѣдки относительно вольныхъ земель. „Такъ-то, любезный!—продолжалъ онъ свой разсказъ—всю Сибирь исходилъ, да и тамъ нѣтъ даровой земли нашему брату. Прошло ужь болѣе года, какъ я вышелъ изъ дому; исхарчился, продалъ подводу, истратилъ всѣ деньги, данныя по приговору нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и теперь не знаю, что и сказать своимъ. Подлинно, что „шукав, шукав — не знайшов, тай заплакав, тай пішов!“. Одна только у меня надежда, что слова одного изъ станичныхъ атамановъ дѣйствительно сбудутся. Видишь-ли, когда мы ворочались назадъ, въ одной изъ станицъ пришлось разговориться съ атаманомъ; наговорившись вдоволь о нашемъ и своемъ житьѣ-бытьѣ, онъ и сказалъ намъ на прощанья: „все равно, братцы,—хоть домой идите, хоть тутъ оставайтесь, а раньше Семена дня земли намъ не получить (1 сентября 1877 г.). Послѣ же вся земля отъ баръ да и отъ насъ будетъ отобрана и раздѣлена поровну между всѣмъ мужскимъ населеніемъ Расеи“. На мое замѣчаніе о томъ, что врядъ ли казачьи земли будутъ отобраны, такъ какъ тѣ добыли ихъ своею кровью,—онъ отвѣчалъ утвердительно, и въ доказательство привелъ разсказъ о высылкѣ въ Сибирь уральцевъ. „Дѣло это было такъ: пріѣхалъ прошлою осенью (76 г.) на Уралъ Наслѣдникъ и, собравъ казацкій кругъ, обратился къ нему со слѣдующей рѣчью: „Служили вы, храброе уральское воинство, моимъ предкамъ, служите моему родителю, послужите когда нибудь и мнѣ. Ваша вѣрная служба не забывалась нами: въ награду вамъ отданъ былъ Уралъ и множество земель со всѣми угодьями. Это было уже давно: тогда вы охраняли границу Россіи, которая теперь отодвинута несравненно дальше; народу на Руси тогда было мало, и потому такая награда за ваши труды была вполнѣ справедлива. Но теперь времена совсѣмъ не тѣ: граница Россіи отодвинута въ Сибирь, а народу въ Россіи расплодилось такъ много, что и земли-то у насъ съ

отцемъ не хватаетъ для него. Поэтому, мы порѣшили измѣнить старинные порядки, и прежде всего отобрать землю у баръ, купцовъ, а также у васъ и у Донцевъ, и раздѣлить ее поровну между всѣми. Значитъ, и вамъ придется столько-же, сколько и другимъ, если вы пожелаете остаться здѣсь. А коли это вамъ не по нраву, то можете выселяться на границу, гдѣ вамъ будетъ отведено столько же земли, сколько и теперь имѣете". Ну, знамо, что не по вкусу пришлись эти слова казацтву; поднялся шумъ и крикъ и одинъ изъ нихъ, набольшій, заявилъ Наслѣднику, что не бывать этому, такъ какъ земля дана имъ на вѣки вѣчные. Наслѣдникъ, однако, настаивалъ и напомнилъ имъ, что такова воля царя, и если они не пожелаютъ выполнить ее добровольно, то ихъ выселятъ насильно,— сказалъ это, повернулся и ушелъ изъ круга. На другой день вышла цѣлая баталія: казаки расходились не на шутку, обозвали даже Наслѣдника молокососомъ. Ну, ужъ этого послѣдній не выдержалъ, вспылилъ ужасно, уѣхалъ въ Питеръ и донесъ обо всемъ царю,— а вслѣдъ затѣмъ вышелъ приказъ: сослать всѣхъ зачинщиковъ въ Сибирь; остальнымъ же было заявлено, что и имъ не миновать того же, если не покорятся волѣ царя". — Такъ-то своеобразно объясняютъ крестьяне выселеніе уральцевъ,— въ основѣ котораго лежитъ, по ихъ мнѣнію, все тотъ-же „передѣлъ". Проѣзжая въ этомъ году по Дону, гдѣ въ данное время происходитъ очень серьезное движеніе (всѣмъ насолили!), мнѣ пришлось слышать много интереснаго. Сами донцы великолѣпно понимаютъ свое положеніе: ихъ ничѣмъ не убѣдишь, что мѣры, предпринимаемыя земствомъ, дѣйствительно клонятся къ ихъ пользѣ, такъ какъ самое земство, по ихъ мнѣнію, есть выдумка баръ и притомъ—способъ для „омужиченія" ихъ. „Что тутъ толковать, когда намъ хорошо извѣстно, что всѣ эти земцы живутъ на наши деньги; спроси любого, кто, напр., былъ хоть X, занимающій теперь мѣсто мирового: промотавшійся въ пухъ нашъ забулдыга-офицеръ — не больше; а нѣшто неизвѣстно, чѣмъ были В, С, М, теперь получающіе тысячные оклады! Да ужъ и не первина это, братецъ ты мой,—ловко тоже обошли насъ помѣщики, захвативши въ полную собственность десятки тысячъ войсковой земли; теперь они начинаютъ обмежевывать наши лѣса, а скоро отберутъ и всю землю, оставивъ десятинъ по восьми на брата—не больше". Убѣжденіе казаковъ въ этомъ непоколебимо, и никакія наставленія „образованныхъ, мягкихъ межевщиковъ", какъ совѣтуютъ газеты—не помогутъ. Заговаривалъ я и съ крестьянами о таковомъ положеніи казаковъ; они также думаютъ, что послѣднихъ приравняютъ къ нимъ, но причина этому, по мнѣнію ихъ, другая. — „Нынче, любезный, и казакамъ-то приходитъ карачунъ. Царь ими за послѣднюю войну остался очень недоволенъ и потому, именно, что донцы, вишь, измѣну оказали. Што за диво, думаетъ царь, и отъ чего-бы это турки чистятъ такъ нашихъ: вѣдь и припасовъ, кажется, довольно, и войска-то наши не хуже турецкихъ. Думалъ, думалъ и пришло ему на умъ: семъ-ко попытаю, ужь нѣтъ ли тутъ какой измѣны. Вотъ и приказалъ онъ Наслѣднику переодѣться туркой и въ ночь отправиться на развѣдку; а цѣпь-то въ въ этотъ день держали казаки. Ну, когда совсѣмъ стемнѣло, погасли огни въ лагерѣ, Наслѣдникъ и подходитъ—будто изъ турецкихъ сторожевыхъ—къ одному изъ казаковъ. Побалакавши о томъ, о семъ, начинаетъ онъ жаловаться на свое плохое положеніе, на недостатокъ орудій, припасовъ и пр., а прощаясь и говоритъ ему: „а что, кунакъ, много вамъ жалованья идетъ, али нѣтъ?"—Какой чертъ—навѣрно вернешься съ пустыми карманами домой, коли самъ стороной не раздобудешь! „Э! братъ, говоритъ Наслѣдникъ, у насъ на этотъ счетъ куда лучше: вотъ хоть у меня—денегъ-то киса во какая! Хошь, землякъ, заработать, али нѣтъ? и работа-то не трудна: стащи, землячекъ, въ оврагъ боченка два пороху, и получишь все, что тутъ есть." — Ну, за это не хочешь-ли куда подальше, отвѣчалъ ему казакъ, эти-то штуки и у насъ даромъ не проходятъ! Однако, переговоривши съ сосѣдомъ, который оказался посмѣлѣй его, живо дѣло обладили: тотъ сбѣгалъ къ офицерамъ, а эти только золото потребовали впередъ—и на слѣдующій день порохъ былъ переданъ. Опечалился Наслѣдникъ, передалъ обо всемъ отцу и загрустили они сильно. Давай-ка, надумали однако, попытаемъ теперь мужиковъ (такъ простонародье величаетъ солдатъ при сравненіи ихъ съ казаками). Но на этотъ разъ Наслѣдникъ едва и ноги уволокъ! Только-што подошелъ онъ къ цѣпи солдатъ, какъ его послали по всѣмъ чертямъ, а едва заикнулся онъ о сдѣлкѣ, подобной предшествующей, какъ часовой бросился на него, избилъ его, съ подоспѣвшимъ товарищемъ, до полусмерти—не смотря на то, что мнимый турокъ назвался уже дѣйствительнымъ именемъ—и вмѣстѣ съ нимъ оттащили турка въ палатку офицеровъ, пришедшихъ въ ужасъ при видѣ обезображеннаго Наслѣдника. Онъ же, какъ только оправился, тотчасъ-же снялъ крестъ съ одного изъ генераловъ и повѣсилъ его на грудь солдату, а товарища наградилъ еще какою-то медалью. Затѣмъ отправился къ царю и, передавши ему все, какъ было, тогда же порѣшили: какъ только окончится война, отобрать въ наказаніе у казаковъ землю и передать ее за вѣрность крестьянамъ".

Этимъ разсказомъ я закончу свое сообщеніе слуховъ, ходящихъ въ народѣ; привелъ я только самые характерные изъ нихъ. Тутъ много наивнаго, но только съ нашей точки зрѣнія, читатель; для народа же все это не подлежитъ сомнѣнію: во имя этого онъ сложитъ голову, какъ уже складывалъ не разъ. Стоитъ только припомнить волненія по поводу слуха о томъ, что съ прекращеніемъ обязательной службы дворянъ (1862), прекращаются и обязательныя отношенія къ нимъ крестьянъ,—о волненіяхъ при Павлѣ I-мъ изъ за молвы, что дворяне мѣшаютъ царю дать волю крестьянству,—о бунтѣ военныхъ поселянъ изъ-за того, что будто-бы чума есть результатъ отравы воды барами и что самъ царь приказалъ за это уничтожать начальство,— объ избіеніи по той-же причинѣ всего высшаго начальства въ Севастополѣ (1830),—о саратовскомъ Лжеконстантинѣ,—и наконецъ вспомните громадное движеніе крестьянства югозападной Россіи въ 1855 г. (От. Зап. 1863 г., № 4) изъ-за слуха, пущеннаго въ ходъ дьячкомъ, не понявшимъ одной старой грамоты,—и вы поймете какая сила въ нихъ и какимъ вѣрнымъ показателемъ народнаго настроенія служатъ они. Наше правительство хорошо это понимало: напр., статья нѣкоего Корибутъ-Дашкевича, въ которой сообщались разные слухи, ходившіе въ народѣ въ 61 г., признана была Ростовцевымъ и К° за „голосъ изъ народа", а министръ Ланскій, очевидно, на основаніи ея же писалъ во всеподданнѣйшей докладной запискѣ, что народъ давно уже ждетъ воли отъ царя, да паны-то дать ему мѣшаютъ (Р. Арх. 74 г., № 8).

ПИСЬМО С. Н. БОБОХОВА.

Въ началѣ декабря трое политическихъ ссыльныхъ Бобоховъ, Ширяевъ и Бондаревъ, пытались бѣжать изъ Пинеги (мѣсто ссылки). Ихъ побѣгъ былъ замѣченъ черезъ три часа, но, не смотря на это, бѣглецы были настигнуты не ближе, какъ за 120 верстъ. Три урядника съ понятыми бросились на нихъ. Дѣло происходило въ избѣ. Одинъ изъ бѣжавшихъ, Бобоховъ, сдѣлалъ по нападавшимъ два выстрѣла. Урядники кинулись въ разсыпную; одинъ съ перепугу попалъ въ окно и стекломъ порѣзалъ себѣ руку: онъ потомъ увѣрялъ, что это— рана отъ выстрѣла Бобохова. Въ концѣ концевъ, бѣглецы, разумѣется, были схвачены.

Обращаемъ вниманіе читателей на нижеслѣдующее письмо Сергѣя Николаевича Бобохова, публикуемое по его желанію.

«Товарищи! Пользуюсь оставшимся временемъ, чтобы выяснить вамъ тѣ мотивы, которые побудили меня къ моему поступку. Я стрѣлялъ въ урядника не съ цѣлью сопротивленія, которое было немыслимо, но чтобы цѣною своей гибели протестовать противъ правительственнаго произвола вообще, ссылки же въ Якутскую область въ особенности. Я заявилъ это слѣдователю, заявлю и на судѣ, если будетъ возможность. Васъ же я прошу опубликовать это письмо: это для меня важнѣе всего.

Прощайте! Сергѣй Бобоховъ.

НОВЫЙ ОППОНЕНТЪ.

„Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія: сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали."

Лука, гл. II, ст. 52.

Отношеніе русской легальной прессы къ нашему изданію мало по малу выясняется. Появленіе его было встрѣчено ожесточенной филиппикой противъ превратныхъ идей, новый органъ былъ принятъ своими легальными собратьями, какъ непрошеный, назойливый гость, способный только нарушать „чинъ бесѣды". Свободное слово, оказывается, только мѣшаетъ стройному теченію нашей журналистики. Главное же вниманіе обращено было на указаніе тѣхъ статей закона, которымъ подлежатъ у насъ люди, исповѣдующіе идеи соціализма, а тѣмъ паче распространяющіе таковыя печатно. Такъ по крайней мѣрѣ поступали до сихъ поръ наши оппоненты и рецензенты. Новый противникъ нашъ, внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы", посвятившій одну половину своего фельетона Цитовичу, другую намъ, тоже задается, главнымъ образомъ, цѣлью разру-

жать наши „лжеученія“. Передъ нами—не отвѣтъ на нашу статью, не опроверженіе случайныхъ, несущественныхъ противорѣчій, вкравшихся въ изложеніе, но принципіальный врагъ соціализма.

Борьба съ вреднымъ направленіемъ—вещь, конечно, похвальная, если она мотивируется стремленіемъ къ общему благу и искреннимъ убѣжденіемъ, а не посторонними соображеніями или голосомъ уязвленнаго самолюбія. Съ такимъ противникомъ пріятно и поучительно сражаться, его критикой можно повѣрять свои собственныя воззрѣнія; но такіе противники, къ сожалѣнію, вообще рѣдки и мы ихъ вѣроятно еще не скоро дождемся. Не можемъ не замѣтить при этомъ, что борьба нашихъ противниковъ была бы гораздо плодотворнѣе, еслибъ они могли, не ограничиваясь одной отрицательной работой, указывать обществу и положительныя задачи. Для этого имъ не мѣшало бы предварительно запастись большей свободой слова, такъ какъ немного найдется людей на Руси, чьи задушевныя мысли могли бы спокойно умѣститься въ рамкахъ нынѣ-дѣйствующаго цензурнаго устава. Но это уже не наше дѣло. Можетъ быть, наши противники считаютъ себя настолько сильными, а насъ настолько слабыми, что надѣются стереть насъ въ порошокъ безъ всякихъ экстренныхъ усилій съ своей стороны. Можетъ, они и еще на что нибудь надѣются? — Но зачѣмъ терять время на догадки! Передъ нами противникъ, уличающій насъ въ солидарности съ Цитовичемъ, въ заносчивости, невѣжествѣ, непослѣдовательности, словомъ во всякомъ ничтожествѣ и убожествѣ: насъ зовутъ на судъ публики — наше дѣло дать показанія и ждать приговора.

Хроникеръ „Вѣстн. Евр.“ прежде всего выступаетъ ратоборцемъ за русскую либеральную прессу и русскій либерализмъ. Онъ огорчается на „новыхъ мыслителей“, какъ онъ насъ величаетъ, за то, что мы, яко-бы, смѣшавши въ одну кучу всю либеральную журналистику, произнесли ей огульное осужденіе въ трусости, безсиліи и непониманіи истиннаго назначенія прессы, — приравниваетъ насъ къ одесскому пасквилянту — Цитовичу. Признаемся, мы ожидали нападенія, но не съ этой стороны. Да развѣ сама русская журналистика не каялась двадцать разъ въ своемъ безсиліи? Развѣ мало было писано и говорено о безсодержательности русскаго либерализма, объ упадкѣ современной литературы, всесословной русской вялости и т. д. Зачѣмъ далеко ходить за примѣромъ: въ той-же самой книжкѣ „Вѣстн. Евр.“, гдѣ внутренній обозрѣватель такъ горячо защищаетъ либераловъ, г. Лукьяновъ, въ очень бойкомъ беллетристическомъ этюдѣ „Надо жить“ не плошь нашего прохаживается на счетъ русскаго либерализма. Мы думали, что въ нашей характеристикѣ русскаго либерализма мы только подвели итоги его собственнымъ самоосужденіямъ. Чтобы поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ, сошлемся на судъ всѣхъ безпристрастныхъ читателей и спросимъ: умѣла-ли наша журналистика, не говорить, а хоть честно молчать въ извѣстныхъ щекотливыхъ случаяхъ? Пусть скажетъ это за себя редакція „Вѣстн. Евр.“, если можетъ. Мы думаемъ, что всякій по пальцамъ можетъ перечесть тѣхъ дѣятелей общественной мысли, которые не пускали козловъ въ свой огородъ, не поднимали руки на безоружнаго и не кадили ѳиміамовъ сильнымъ міра сего, а этого, конечно, не подобаетъ дѣлать не только защитникамъ свободы и прогресса, но и вообще уважающимъ себя людямъ. И обижаться за сказанное нами—немножко странно: мы нигдѣ не отрицали, что въ этомъ виноваты не одни дѣятели прессы, но и несчастное положеніе послѣдней.

Однакоже либералы не только обижаются, но и старательно вычисляютъ свои заслуги передъ обществомъ: „одни („Вѣстн. Евр.“, внутр. обозр., стр. 836) дѣйствительно подъ покровительсвомъ закона, хотя и не совсѣмъ безопасно, въ теченіи 16 лѣтъ, со времени 19 февраля 61 года, выражаютъ насущныя потребности общества; они, слѣдуя славнымъ преданіямъ Посошкова и Новикова (претензія довольно скромная!), будятъ его, проводя въ сознаніе общества необходимость первой истинно-великой реформы, отмѣны рабства (это послѣ 19-го февраля!)... разработываютъ вопросъ о новой судебной организаціи, старательно ищутъ средины между французскимъ прокурорствомъ, безусловно-обвиняющимъ, и англійскимъ требованіемъ частнаго обвинителя, проводятъ въ жизнь учрежденіе присяжныхъ“ и т. д. и т. д.

Если авторъ ставитъ въ особенную заслугу либераламъ то, что они заговорили о необходимости отмѣны крѣпостного права послѣ 19 февраля 1861 г., то мы готовы повиниться передъ нимъ въ томъ, что не упомянули въ нашей газетѣ о таковомъ подвигѣ. Если же онъ причисляетъ къ русскимъ либераламъ людей дѣйствительно работавшихъ въ пользу крестьянскаго дѣла въ глухую пору крѣпостного права и себя причисляетъ къ нимъ, то это — новость. Сколько намъ извѣстно, люди, задолго до 19 февраля выставлявшіе всѣ гнусныя и отвратительныя стороны крѣпостного права и нашей россійской безурядицы, погибшіе за это въ изгнаніи и на каторгѣ, — никогда не причисляли себя къ лику россійскихъ либераловъ. Наоборотъ, они относились къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ. И русскому либералу, возставая противъ насъ, не мѣшало бы прихватить, кстати, и покойнаго Конрада Лиліеншвагера съ его „Свисткомъ“. Если хроникеръ и себя причисляетъ къ этимъ дѣятелямъ, то какой же онъ либералъ? — Ужъ не намѣренъ-ли г. хроникеръ обвинить насъ въ недостаткѣ уваженія къ памяти тѣхъ лицъ, которыхъ совершенно справедливо считаютъ нашими духовными отцами, въ забвеніи ихъ заслугъ передъ русскимъ обществомъ? Тогда пусть яснѣе формулируетъ свои обвиненія. Оставались-ли мы равнодушными къ ихъ судьбѣ, прятали-ли ихъ произведенія подъ спудомъ, жгли-ли мы ихъ рукописи или какимъ нибудь другимъ образомъ отрекались отъ нихъ? Если такъ — ставьте обвинительные пункты, а мы отвѣтимъ и выставимъ свои.

Нашъ критикъ, по видимому такой благодушный, подчасъ забываетъ, что надо прежде вынуть бревно изъ своего глаза, а потомъ уже пытаться вытащить сучекъ изъ глаза ближняго. Насъ онъ очень сурово обвиняетъ въ нетерпимости, въ искаженіи чужихъ мыслей, выхватываніи отдѣльныхъ фразъ и лжетолкованіяхъ, а самъ всю свою полемику основалъ на отдѣльныхъ фразахъ и обрывкахъ мыслей, выхваченныхъ изъ разныхъ статей №1, изъ которыхъ одна еще не окончена. Какъ бы ни было строго единство направленія органа, знакомить съ нимъ читателя, вырвавъ одну мысль изъ одной, другую изъ другой статьи, какъ дѣлаетъ хроникеръ, невозможно. Такое строгое отношеніе къ другимъ и снисходительное къ себѣ можно объяснить развѣ только тѣмъ, что въ личномъ дѣлѣ трудно соблюсти безпристрастіе. По мнѣнію хроникера, мы отнеслись къ нему несправедливо—онъ полагаетъ, что мы задѣли его понапрасну; вотъ, подъ вліяніемъ непріятнаго чувства противъ насъ, онъ и говоритъ, что мы его разжаловали изъ либераловъ на основаніи ложно перетолкованныхъ фразъ, хотя всякій читавшій нашъ листокъ знаетъ, что сужденіе наше о немъ основано не на двухъ-трехъ фразахъ, а на трехъ его ежемѣсячныхъ фельетонахъ, посвященныхъ весьма интереснымъ событіямъ русской жизни. Если Вы, г. хроникеръ, забыли, мы напомнимъ Вамъ, въ чемъ дѣло:

Мы обвиняли Васъ за Ваше отношеніе къ Казанской демонстраціи 6 декабря 1876 г., которая была первымъ гласнымъ заявленіемъ политическихъ симпатій къ борцамъ за свободу на Руси и которую Вы обозвали порожденіемъ старческой безнадежности и безсилія.

Мы обвиняли Васъ за Ваше объясненіе приговора присяжныхъ по дѣлу Засуличъ. Оправданіе ея Вы мотивировали тѣмъ, что подсудимая выросла въ такой средѣ и при такихъ условіяхъ, гдѣ у нея не могли развиться твердыя нравственныя понятія.

Въ Вашемъ фельетонѣ по поводу событія 4 августа Вы снова повторили Ваше объясненіе.

Въ разборѣ нашей газеты Вы ни пол-слова не сказали въ разъясненіе того, какъ слѣдуетъ понимать Ваши фельетоны, въ чемъ мы переиначили Вашъ взглядъ на указанныя явленія русской жизни; а потому мы и продолжаемъ считать наши обвиненія неопровергнутыми, а Ваши сужденія о Казанской демонстраціи и дѣлѣ Засуличъ — не только фальшивыми, но и крайне неприличными даже для человѣка, претендующаго на званіе русскаго либерала.

Послѣ этихъ толковъ о томъ, кто либералъ, кто не либералъ, кто похожъ, кто не похожъ на Цитовича*), — намъ снова приходится вернуться къ вопросу о политическомъ самосудѣ, о чемъ говорено было уже нами несчетное число разъ и теперь мы повторимъ то же самое. Казни, совершенныя соціалистами на Руси, вызваны были соображеніями самообороны. Кому такія дѣйствія не нравятся, тотъ долженъ былъ бы доказать, что положеніе о необходимой самообороне непримѣнимо къ намъ; въ противномъ случаѣ ни одинъ юристъ въ мірѣ не рѣшится обвинять насъ. Мы указали даже условія, при наличности которыхъ самоуправство потеряло бы всякій смыслъ. Но нашъ оппонентъ продолжаетъ вопить одно: политическія убійства вызываютъ реакцію, ахъ! они вызываютъ реакцію! ахъ! они вызываютъ реакцію! Ну что вы станете дѣлать съ человѣкомъ, который затвердилъ одно и то-же, какъ „господи помилуй“ и никакихъ резоновъ принимать не хочетъ. Чѣмъ виноваты мы, что правительство вмѣсто хлѣба даетъ обществу камень, вмѣсто рыбы — змѣю! Развѣ реакція средство противъ недовольства общества? Развѣ самосудъ дискредитируется нагайками и ссылками безъ суда, а не введеніемъ судопроизводства, удовлетворяющаго общественную справедливость? Хроникеръ берется насчитать намъ десятки политическихъ убійствъ, на которыя правительства отвѣчали реакціей. Пусть не трудится. Мы въ исторіи постоянно видимъ, что правительство поступало какъ-разъ наперекоръ желаніямъ общества, особенно, гдѣ дѣло касалось свободы гражданъ; мы знаемъ, что русское правительство пороло плетьми крѣпостныхъ крестьянъ, возстававшихъ противъ помѣщиковъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что крестьянскія волненія не имѣли никакого вліянія на рѣшеніе вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права или что мужики поступали безнравственно, возставая противъ своихъ господъ.

Наши историческіе примѣры хроникеръ считаетъ неудачными, а

*) Между прочимъ, самъ г. Цитовичъ въ своемъ новѣйшемъ произведеніи признаетъ себя и хроникера „Вѣстн. Евр.“ за ягоды одного поля.

его единомышленникъ, фельетонистъ „Рус. Правды", даже наивнѣе. Неудачны они развѣ только потому, что ни тотъ, ни другой не убійцы, какъ напр. убійца Гесслера—средневѣкового австрійскаго Мезенцева—могутъ стать героями освобожденія человѣчества. Хроникеръ говоритъ, что Теллъ—личность полумионическая. Тѣмъ лучше! Значитъ, народъ не только въ извѣстныхъ случаяхъ одобряетъ факты политическихъ убійствъ—онъ въ своихъ поэтическихъ сказаніяхъ о началѣ свободы въ числѣ героевъ своихъ ставитъ убійцу. Вильгельмъ Теллъ—личность полумионическая: это такъ. А знаете-ли вы, г. хроникеръ, что въ Швейцаріи существуетъ цѣлая школа историковъ-патріотовъ, которая всѣми силами отстаиваетъ историческую реальность героя Шиллеровской драмы. Хотя никто изъ швейцарцевъ не смѣшиваетъ убійства Гесслера со сраженіемъ при Земпахѣ, но, тѣмъ не менѣе, они не хотятъ разстаться съ политическимъ убійцей и выкинуть его изъ своего пантеона. То же самое можно сказать и о другихъ приведенныхъ нами тоже полумионическихъ герояхъ-убійцахъ. И ваше категорическое „никогда" остается такимъ-же голословнымъ и необдуманнымъ заявленіемъ, какъ и сдѣланный вами вызовъ найдти публициста, защищающаго политическія убійства, которыхъ, по словамъ вашимъ, *даже* Либкнехтъ и Бебель не рѣшаются защищать (это „даже" очень характерно для человѣка, трактующаго о нѣмецкой соціальной демократіи и не знающаго, что два названные публициста всегда были противниками подобнаго способа дѣйствій). Писателей, защищавшихъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ право частныхъ лицъ на месть и оправдывавшихъ въ принципѣ политическія убійства,—очень много и довольно извѣстныхъ. Возьмите хоть англійскаго поэта-философа Сеседжа Ландора; или вотъ вамъ цитата изъ одного весьма небезъизвѣстнаго современнаго писателя:

„Бываютъ случаи, гдѣ частная месть, которая въ первобытномъ обществѣ была все, а въ цивилизованномъ должна быть ничѣмъ, снова становится чѣмъ-то и въ этомъ послѣднемъ: это случаи такого состоянія общества, гдѣ, напримѣръ, въ силу монополизаціи юстиціи или въ силу другихъ причинъ, настоятельнѣйшая потребность въ мести не находитъ себѣ удовлетворенія. Тогда, подобно призраку, какъ бы изъ-подъ земли, снова выступаетъ частная месть, чтобы напомнить, что есть мощь, имѣющая болѣе глубокіе корни, чѣмъ произвольное ограниченіе права или случайная задержка въ его функціяхъ."

Насчетъ политическихъ убійствъ, впрочемъ, не мѣшаетъ привести примѣръ изъ отечественной исторіи: припомните-ка, какимъ ликованіемъ была встрѣчена всѣмъ мыслящимъ русскимъ обществомъ смерть Павла I? Конечно, убійство этого несчастнаго сумасброда нисколько не помѣшало развиться Аракчеевщинѣ и солдатчинѣ Николая I; но было-бы ложью отрицать, что, со вступленіемъ Александра I, русское общество хоть на время избавилось отъ страшнаго кошмара, и прожили Павелъ еще нѣсколько лѣтъ — на Руси прибавилось бы нѣсколько сотенъ лицъ, загубленныхъ по капризу императора, и нѣсколько тысячъ холоповъ, привыкшихъ исполнять, не моргнувъ глазомъ, самыя безсовѣстныя и дикія приказанія полоумнаго царя...

Довольно однако. Мы и то взяли много грѣха на душу, пускаясь въ разсужденія о такомъ серьезномъ предметѣ по поводу краснаго словца фельетониста. Онъ очень краснорѣчиво бесѣдуетъ противу политическихъ убійствъ съ нами, а насчетъ политическихъ казней, совершаемыхъ русскимъ правительствомъ, отдѣлывается глубокомысленнымъ молчаніемъ. Развѣ, напр., разстрѣляніе Ковальскаго въ Одессѣ—не политическое убійство? Что же онъ не возвысилъ тогда свой голосъ на защиту гуманности?.. Не всякій, кто гуманничаетъ съ разрѣшенія и одобренія полиціи — „патріотъ своего отечества", не всякая клакальщица — другъ покойника. Больше мы ничего не скажемъ по этому поводу.

Какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, внутренній обозрѣватель „Вѣсти. Евр." — принципіальный противникъ соціализма, но объ этомъ ученіи у него довольно странныя понятія. Такъ, по его мнѣнію, полицейскія таксы на нѣкоторые продукты, существовавшія въ Петербургѣ, должны быть отнесены къ числу соціалистическихъ мѣръ. Трепова, продававшаго по дешевымъ цѣнамъ дрова петербургскимъ обывателямъ, Шульце-Делича, князя Бисмарка—онъ, не обинуясь, зачисляетъ въ соціалисты. Соціализмъ у него дѣлится на опасный и неопасный. Опасенъ онъ, по мнѣнію автора, тогда, когда дѣятельность его адептовъ выходитъ изъ предѣловъ, дозволенныхъ законами данной страны. Другими словами, мѣркою опасности соціализма служатъ полицейскія правила противъ него. У насъ соціализмъ, должно быть, очень опасенъ, потому что его преслѣдуютъ съ чисто-драконовской строгостью; а въ Америкѣ, гдѣ въ прошломъ году стачка желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ охватила заревомъ революціоннаго пожара чуть не весь союзъ, онъ, вѣроятно, безопасенъ совершенно, такъ какъ тамъ и понынѣ совершенно свободно издаются соціалистическія газеты и собираются митинги приверженцевъ этого ученія. Въ Германіи до закона о соціалистахъ соціальная демократія не представляла опасности для общества, потому что въ своей дѣятельности она не выходила изъ предѣловъ, дозволенныхъ законами страны; теперь—такая дѣятельность стала опасна для общества, потому что запрещена полиціей.

Въ качествѣ противника соціализма г. хроникеръ пускается въ хитросплетенія и силится доказать, что, напр., нѣмецкая соціал-демократическая партія пріобрѣла извѣстное значеніе и силу не потому, что она поставила на своемъ знаменѣ девизъ—освобожденіе рабочихъ, а благодаря своему безусловно-оппозиціонному характеру по отношенію къ правительству.

„Въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи",—говоритъ хроникеръ „Вѣсти. Евр." (стр. 833) — „гдѣ имѣютъ вліяніе сильно-дѣйствующія, безусловно-оппозиціонныя партіи, какъ-то: католическая (!!), національная (польская и французская), вліяніе соціал-демократовъ оказывается ничтожнымъ; они тамъ замѣнены другими, весьма живыми оппозиціонными элементами."

Этотъ взглядъ раздѣляетъ и сама редакція „Вѣсти. Евр.", но, не смотря на это, мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ.

По автору выходитъ, что подданные Германской имперіи оппонируютъ своему правительству изъ какого-то дѣтскаго удовольствія препираться съ нимъ. Гдѣ можно — на него натравляютъ ультрамонтановъ и партикуляристовъ, гдѣ нельзя—довольствуются соціал-демократами. Неужели оппозиціи поляковъ-патріотовъ, соціал-демократовъ и ультрамонтановъ происходятъ изъ одного источника, такъ что могутъ замѣщать другъ друга? Оппозиція противъ Прусскаго государства во имя папской непогрѣшимости и во имя правъ человѣка, очевидно, имѣютъ между собою такъ же мало общаго, какъ и недовольство русскимъ правительствомъ ярыхъ крѣпостниковъ и соціалистовъ. Очень понятно, почему въ классическихъ резиденціяхъ клерикаловъ-католиковъ въ прусской Польшѣ соціализмъ сдѣлалъ до сихъ поръ мало успѣховъ: эти мѣстности населены самымъ малограмотнымъ народомъ изъ всей Германіи: соціализмъ же въ Германіи сильнѣе всего прививается къ наиболѣе развитому и интеллигентному населенію. Замѣчателенъ еще тотъ фактъ, вѣроятно небезъизвѣстный и г. внутреннему обозрѣвателю, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ до предпослѣднихъ выборовъ ультрамонтаны господствовали безраздѣльно, гдѣ не было и помину о соціалистахъ, во время послѣднихъ и предпослѣднихъ выборовъ за соціал-демократовъ подано было нѣсколько сотенъ голосовъ. Съ точки зрѣнія автора совершенно необъяснимо, почему партія прогрессистовъ—гораздо болѣе оппозиціонная и радикальная, нежели національ-либералы—такъ слаба и ничтожна въ парламентѣ? Секретъ весь въ томъ что нѣмецкіе либералы и радикалы-политиканы игнорировали народъ и его требованія, и народъ отвернулся отъ нихъ, несмотря на ихъ политическій радикализмъ. — Кромѣ того, соціальный демократизмъ существуетъ не въ одной Германіи: въ Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатахъ онъ теперь не слабѣе, чѣмъ въ Германіи; въ Швейцаріи союзъ рабочихъ, основанный всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, насчитываетъ болѣе 5,000 членовъ, что для маленькой, разноплеменной страны, гдѣ очень слабо развита крупная промышленность, представляетъ весьма почтенную цифру. Соціал-демократовъ также не мало и въ Фландандской Бельгіи, Даніи и южной Швеціи. Онъ преуспѣваетъ въ различныхъ странахъ, положеніе политическихъ партій въ которыхъ очень разнообразно. Это одно уже, помимо разныхъ другихъ соображеній, достаточно показываетъ всю несостоятельность тенденціознаго хитросплетенія хроникера „Вѣсти. Евр." насчетъ источниковъ силы соціал-демократической партіи. Если же обратиться къ исторіи развитія соціальной демократіи въ Германіи, то немудрено будетъ показать, что далеко не одна политическая оппозиція соціал-демократовъ дала имъ такую силу въ этой странѣ.

Трудами Лассаля былъ созданъ общегерманскій рабочій союзъ, политическая программа котораго была весьма радикальна и оппозиціонна. Казалось, недовольнымъ элементамъ только и оставалось присоединяться къ нему. На повѣрку вышло не такъ. Вновь образовавшаяся эйзенахская партія, настроенная крайне враждебно къ лассальянцамъ, къ 1875 году почти сравнивается съ ней численностью. Очевидно, въ программѣ и тактикѣ этой партіи были пріемы и методы, дававшіе ей возможность бороться не только съ правительствомъ, но и съ сильнымъ противникомъ — лассальянской партіей. Разница въ политическихъ программахъ той и другой партіи была ничтожна: она не могла дать значительнаго преимущества въ пользу которой нибудь изъ нихъ. Существенная тактическая разница между двумя соціалистическими партіями заключа-

лась въ ихъ взглядахъ на ремесленные союзы. Лассальянцы—вѣрные программѣ своего учителя—игнорировали эти союзы; они относились къ нимъ, какъ къ реакціоннымъ организаціямъ, отжившимъ свой вѣкъ. Эйзенахцы, наоборотъ, видѣли въ нихъ могучее средство пропаганды и агитаціи. Они не только старались всѣми силами проникать въ рабочіе союзы, но и сами основывали таковые. Ради привлеченія къ себѣ рабочихъ союзовъ, они даже подчасъ поступались своимъ политическимъ радикализмомъ. Практика блистательно оправдала такую тактику, и на соединительномъ конгрессѣ обѣихъ соціалистическихъ партій въ Готѣ агитація среди рабочихъ союзовъ и путемъ рабочихъ союзовъ была включена въ число признанныхъ средствъ и методовъ дѣятельности соединенной соціаль-демократической партіи. Рабочіе же союзы, какъ извѣстно, вполнѣ индифферентны къ политикѣ. Это организація для борьбы на чисто экономической почвѣ.

Почему же, однако, авторъ считаетъ экономическую часть программы соціалистовъ дѣломъ второстепенной важности въ вопросѣ о причинахъ успѣха этой партіи? Вотъ его соображенія: „Невозможно повѣрить, чтобы полмилліона избирателей въ грамотной Германіи были дѣйствительно убѣждены въ возможности немедленнаго упраздненія собственности посредствомъ революціи“ (стр. 833). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Тогда (т. е. когда соціаль-демократы отказались бы отъ политической дѣятельности) изъ полумилліона избирателей отъ нихъ навѣрное отпали бы три четверти, такъ какъ водвореніе коммунизма путемъ насилія противно здравому смыслу народа“ (стр. 835). Мы нарочно въ подлинникѣ выписали эти воззванія къ здравому смыслу народа и разглагольствованія насчетъ коммунизма, вводимаго путемъ насилія. Эти фразы составляютъ героическое средство всѣхъ полемизаторовъ противъ соціализма. Когда нѣтъ другихъ ресурсовъ и соображеній, обыкновенно пускаются въ риторику на счетъ семьи, собственности, и апеллируютъ къ „здравому смыслу народовъ“. Этотъ „здравый смыслъ“ играетъ такую-же роль, какъ указаніе на промыселъ и всемогущество божіе въ теологіи. Гдѣ ничего нельзя подѣлать съ аргументаціей противника, богословъ пускаетъ въ ходъ послѣдній доводъ — божій промыселъ и всемогущество; но какъ указанія на сверхъестественныя силы убѣдительны только для того, кто вѣритъ въ ихъ существованіе, точно такъ-же и апелляція къ здравому смыслу народовъ имѣетъ смыслъ лишь для тѣхъ, кто считаетъ буржуазный порядокъ вещей верхомъ проявленія этого здраваго смысла. Обыкновенно же всего чаще прибѣгаютъ къ здравому смыслу народовъ люди, стрѣляющіе въ народъ картечью и проповѣдующіе о его „недозрѣлости“. Мы просили бы указать также хоть одну строчку изъ всѣхъ писаній нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, гдѣ бы они проповѣдывали прямо или косвенно немедленное упраздненіе собственности путемъ революціи и насильственное введеніе коммунизма. Только наиболѣе смѣлые и искренніе изъ нихъ признаютъ, что современный строй не можетъ быть измѣненъ безъ революціи; но отсюда до упраздненія современнаго порядка въ 24 часа и насильственнаго введенія коммунизма еще очень далеко. Авторъ вообще не прочь попугать публику и погибелью цивилизаціи, и страшилищемъ коммунизма; заявляя о своемъ намѣреніи вести себя „по благородному“, онъ не пренебрегаетъ пускать въ ходъ и старыя сплетни о коммунизмѣ, которымъ нынѣ уже никто не вѣритъ. Коммунистами соціаль-демократовъ называемъ мы, коллективисты, потому что они въ своихъ планахъ народнаго государства дѣлаютъ его распорядителемъ и отвѣтственнымъ лицомъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Отсюда еще далеко до страшилища коммунизма, общности женъ, ношенія чужихъ скуртуковъ и другихъ ужасовъ. Мы видимъ и теперь нерѣдко государство въ роли администратора крупныхъ промышленныхъ предпріятій, напр., постройки желѣзной дороги. Знаемъ также, что, гдѣ правительство не состоитъ, какъ у насъ, изъ воровъ и мошенниковъ, дѣло идетъ недурно. Многіе даже предпочитаютъ такой порядокъ вещей, находятъ его гораздо выгоднѣе отдачи предметовъ общественнаго потребленія на потокъ и разграбленіе частнымъ компаніямъ. Предоставляемъ автору внутр. обозрѣнія (за декабрь мѣсяцъ) вывести изъ сказаннаго нами сейчасъ заключеніе, что мы защищаемъ ученіе послѣдователей Маркса о государствѣ и обвинить насъ въ новыхъ противорѣчіяхъ, а пока переходимъ къ объясненію уже найденныхъ имъ у насъ противорѣчій.

Мы остановимся на главныхъ пунктахъ, иначе мы рискуемъ никогда не кончить съ нашимъ противникомъ. Внутренній обозрѣватель, хотя и хвастается, что знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, и Маркса, и Лассаля*) и отрицательныя стороны русской жизни, однако же не можетъ объяснить себѣ, какъ это люди говорятъ что соціализмъ — высшая форма человѣческаго счастія, зовутъ людей на кровавую борьбу за это счастіе и въ то же время отказываются предрѣшать вопросъ о частныхъ формахъ будущаго строя. Онъ просто приходитъ къ тому выводу, что русскіе соціалисты, сами не зная чего хотятъ, зовутъ людей умирать за невѣдомую Аркадію.

Между тѣмъ, дѣло очень просто. Людямъ настоящей эпохи немыслимо выдумать изъ своей головы будущій строй, — онъ можетъ быть созданъ только самой жизнью, и потому научный соціализмъ воздерживается отъ всякихъ схематизацій; но, разбирая неустройство настоящаго, онъ можетъ указать общее направленіе, въ которомъ должна вестись борьба, онъ можетъ указать нѣкоторые основные и существенные признаки будущаго строя: отсутствіе частнаго владѣнія орудіями производства, экономическихъ привилегій, привилегій пола, происхожденія и религіи. Эти признаки будущаго строя даютъ уже намъ право, не обинуясь, называть его „роскошнымъ пиромъ жизни“. Звать людей на жертвы ради того, чтобы подвинуться хотя на шагъ къ этому строю, сбить съ дороги хоть одно препятствіе—мы считаемъ не только нравственнымъ и возможнымъ, но и абсолютно необходимымъ. Въ эпоху, когда призывъ къ оружію изъ-за царскихъ фантазій сталъ чуть не ежедневнымъ явленіемъ, мы не находимъ ни жестокимъ, ни безнравственнымъ, какъ можно чаще напоминать людямъ о томъ, что свѣтлое будущее можетъ достаться имъ только путемъ кровавой борьбы.

Авторъ говоритъ, что мы, отказываясь начертать планъ будущаго общества, въ то же время развиваемъ его въ деталяхъ. Гдѣ это?—позвольте Васъ спросить, г. хроникеръ. Мы указали только на отсутствіе частнаго капитало-владѣнія, неравенства половъ и государственнаго гнета и на замѣну централизаціи общинной автономіей. Потрудитесь указать болѣе общіе признаки современнаго строя, нежели семья, собственность, религія и государство?—Мы зовемъ людей на борьбу за такой строй, котораго мы сами не въ состояніи даже развить, и это намъ ставится въ вину. Охотно принимаемъ на себя этотъ грѣхъ, потому что въ немъ повинны всѣ люди на свѣтѣ, когда-либо поднимавшіе вопросъ объ измѣненіи общественныхъ отношеній. Ни одинъ изъ предшественниковъ Великой Революціи не чертилъ схемъ этого переворота, а, между тѣмъ, призывалъ его, готовилъ его. Сами дѣятели революціи ни при созваніи Конституанты, ни при учрежденіи Конвента не могли опредѣлительно сказать, какою будетъ новое зданіе, воздвигнутое на развалинахъ старой монархіи. Первые борцы за свободу совѣсти и научнаго изслѣдованія точно также не могли предвидѣть и не знали, каковы будутъ тѣ формы общественной жизни, при которыхъ религіозная терпимость и свобода науки будутъ воплощены въ жизнь. Они боролись противу темныхъ силъ, задерживавшихъ общественный прогрессъ—и въ этомъ резюмируется полезная сторона ихъ дѣятельности. Планы же устройства будущаго общества Кампанелль и Морусовъ характеризуютъ прежде всего эпоху, въ которую жили авторы. Г. хроникеру вмѣсто насмѣшекъ надъ невѣдомой Аркадіей гораздо цѣлесообразнѣе было бы доказать, что тѣ общія начала, которыя мы полагаемъ въ основу будущаго строя, не опредѣляютъ достаточно нашей дѣятельности въ настоящемъ или что они вредны и губительны для цивилизаціи. Это было бы интересно послушать.

Нѣкогда защитникъ сельской поземельной общины, г. хроникеръ, на утвержденіе наше, что основы нашей программы заложены уже въ самомъ міросозерцаніи народа, что наша ближайшая цѣль—осуществленіе народной революціи съ вѣковымъ лозунгомъ „Земля и Воля“,—не безъ ехидства спрашиваетъ: „а что если народное міросозерцаніе ближе къ управленію станового пристава, чѣмъ къ роскошному пиру жизни?“ Бываютъ случаи, когда одна фраза, вырвавшаяся нечаянно, характеризуетъ человѣка лучше длинной исповѣди. Ну, не очевидно-ли, что передъ нами—баринъ, третирующій смысла сиволапаго мужика? Понятнымъ становится и отношеніе его къ „казачьимъ кругамъ“ и насмѣшки надъ ними. Очевидно, авторъ составилъ себѣ представленіе о казакахъ по французскимъ романамъ; ему дѣла нѣтъ до того, что казачій кругъ—народное собраніе, имѣющее власть безапелляціонно рѣшать свои внутреннія дѣла, судить, выбирать и смѣнять своихъ должностныхъ лицъ, то есть—самая широкая форма мѣстнаго самоуправленія.

Большая часть задѣтыхъ авторомъ вопросовъ трактуется въ передовой статьѣ этого № „Земли и Воли“, а потому мы дозволимъ себѣ коснуться ихъ мимоходомъ. Если согласиться съ авторомъ, что народъ нашъ создалъ становыхъ приставовъ, если признать его творцомъ современнаго русскаго государственнаго устройства (правильнѣе сказать—неустройства), то тогда, разумѣется, было-бы безнадежнымъ дѣломъ искать въ его міросозерцаніи основъ для соціализма: но эти положенія составляютъ новость въ русской литературѣ, а потому не худо бы привести доказательства для нихъ. До сихъ поръ

*) Знаніемъ Маркса „Вѣст. Евр.“ ужь не слѣдовало бы хвалиться. Онъ при выходѣ на русскомъ яз. „Капитала“ далъ о немъ похвальный отзывъ, а потомъ помѣстилъ удивительную статью Юлія Жуковскаго объ этомъ же предметѣ и до сихъ поръ не счелъ нужнымъ отвѣтить ни одному изъ его критиковъ. Хвалящаяся знаніемъ Маркса редакція помѣщаетъ измышленія гг. Слонскихъ и Бліоховъ безъ всякихъ оговорокъ, хотя людямъ, имѣющимъ претензію на опредѣленныя экономическія воззрѣнія, не мѣшало бы указать, наконецъ, какой доктрины они держатся и кто выразитель ихъ мыслей: Жуковскій, Слонимскій, Бліохъ или Марксъ?

было извѣстно обратное: именно, что становыхъ народъ ненавидитъ и боится, считаетъ ихъ за „наказаніе божіе“. Извѣстно было также, что отъ современнаго россійскаго государства народъ нашъ бѣгалъ въ лѣса, за Уралъ, на Дарью рѣку, даже въ невѣдомую міру Японію, ханства Средней Азіи, что и подало поводъ нашимъ патріотамъ-народовѣдцамъ превозносить колонизаторскія способности русскаго племени. Извѣстно также, что противъ этого единаго русскаго государства, сперва Московскаго, потомъ Петербургскаго, онъ возставалъ съ Болотниковыми, Разиными, Булавиными, Некрасовыми и Пугачевыми. Если и укрѣпилось современное государственное устройство на Руси, то всѣ знаютъ, что оно укрѣпилось на крови народной, что оно досталось намъ цѣною погибели народной культуры и областной, земельной и общинной автономіи. Эти замѣчанія о любви русскаго народа къ государству даже не вамъ и принадлежатъ, г. хроникеръ. Вы просто ихъ списали изъ переводныхъ „Голоса. Источникъ хорошъ; совѣтуемъ почаще имъ пользоваться.

Антисоціалистическія стороны русскаго народа хроникеръ, кромѣ того, видитъ въ его приверженности къ семьѣ и религіи. Религія никогда не довела русскаго народа до нетерпимости. Преслѣдованія сектантовъ — выдумка правительства и духовенства, которой народъ никогда не сочувствовалъ. Насчетъ крестьянской семьи авторъ выражается слишкомъ обще. То, что называется крестьянской семьей, представляетъ собою чуть-ли не всѣ извѣстныя намъ формы половыхъ отношеній. Нашу великорусскую патріархальную семью мы тоже не считаемъ совершенно готовой и не подлежащей измѣненію культурной формой. И еще вопросъ, гдѣ болѣе благопріятная почва для развитія здравыхъ отношеній: тамъ-ли, гдѣ каждый членъ семейнаго союза обязанъ трудиться для пользы семьи, или—гдѣ женщина представляетъ собою элегантную содержанку, неспособную снискивать себѣ пропитаніе. Но какія бы неудобства для соціалистической пропаганды не представляли нѣкоторыя стороны народной жизни, они исчезаютъ совершенно въ виду того знаменательнаго историческаго и бытового явленія, которое называется русской поземельной общиной. Авторъ говоритъ, что она есть только форма землевладѣнія — и соціалисты никогда не совѣтовали людямъ отказаться отъ владѣнія землей или орудіями труда. Они только проповѣдывали передачу ихъ въ коллективное пользованіе трудящихся, — и не одна изъ существующихъ формъ владѣнія орудіями производства не подходитъ такъ близко къ коллективизму, какъ земельная община. Въ ней нѣтъ, говорятъ, слѣдовъ общиннаго пользованія продуктами труда и распредѣленія его сообразно потребностямъ. Если поискать, такъ можно найдти и подобные примѣры, но это не важно для насъ въ данную минуту. Мы думаемъ, что одно уже повсемѣстное и послѣдовательное введеніе общиннаго пользованія землей, сообразно крестьянскимъ обычаямъ, было бы уже такимъ громаднымъ шагомъ на пути соціальныхъ реформъ, который освѣтилъ бы совершенно новымъ свѣтомъ все будущее. Новѣйшія изслѣдованія показали, какую громадную роль играетъ въ крестьянскомъ обычномъ правѣ трудовое начало. Народъ, вмѣстѣ съ соціалистами, видитъ въ трудѣ главный источникъ права на вещи. Поэтому мы, не обинуясь, повторимъ здѣсь снова, что широкая проповѣдь соціализма будетъ только закрѣплять и расширять тѣ идеи, которыя существуютъ уже въ народѣ по отношенію къ экономическимъ вопросамъ. Основныя идеи о коллективномъ пользованіи землей, о правѣ на нее каждаго способнаго къ труду человѣка, народъ уже не разъ заявилъ въ своихъ возстаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ и названъ у насъ Пугачевъ соціалистомъ. Мы готовы сознаться, что опредѣленіе это не точно. Онъ соціалистъ по столько, по сколько въ программу его входило уничтоженіе крѣпостного права, частнаго землевладѣнія и сословныхъ привилегій; но если князь Бисмаркъ и Треповъ соціалисты, то Емельянъ Пугачевъ, намъ кажется, и подавно имѣетъ право быть причисленнымъ къ нимъ. Не даромъ Бибиковъ писалъ Екатеринѣ, что страшенъ не самъ Пугачевъ, а вѣковой протестъ бѣднаго противъ богатаго. Что же дѣлать, если ему не удалось уничтожить крѣпостного права! Такова судьба всѣхъ первыхъ начинаній; да наконецъ, авторъ не у него одного оспариваетъ честь почина въ этомъ дѣлѣ. По его словамъ, оно было проведено въ жизнь мировыми посредниками изъ дворянъ,—а дѣятелей, сложившимъ свои головы на каторгѣ за этотъ вопросъ, онъ совершенно игнорируетъ.

Напрасно также авторъ утверждаетъ, что ученіе соціалистовъ объ автономныхъ общинахъ было выработано безъ всякаго спроса у народа. Ничто не послужило къ такой степени развитію и постановкѣ вопроса о федеративномъ устройствѣ производительныхъ общинъ и союзовъ, какъ новѣйшія изслѣдованія въ области обычнаго права и бытовой культуры. Труды Мэна, Гакстгаузена, Маурера и другихъ менѣе крупныхъ изслѣдователей имѣли вліяніе не только на экономистовъ, но и на соціалистовъ. Можно спорить о томъ, что мы не понимаемъ народнаго быта, выводимъ ложныя заключенія изъ добытыхъ свѣдѣній; но сказать, что ученіе соціалистовъ о федераціи общинъ есть праздная, безпочвенная выдумка — намъ кажется довольно смѣло.

Потрудившись достаточно надъ созданіемъ противорѣчій въ нашихъ статьяхъ, авторъ былъ настолько великодушенъ, что взялъ на себя трудъ объяснить ихъ. Противорѣчія наши онъ объясняетъ дипломатической хитростью: мы, по его мнѣнію, секретничаемъ съ русскими читателями, не высказываемъ вполнѣ нашей программы до поры до времени; и вотъ онъ, хроникеръ, торжественно объявляетъ, что мы „анархисты“ и признаемъ себя таковыми за границей. Въ Россіи же мы до поры до времени скрываемъ свои настоящія убѣжденія и прячемся за спину ученаго Маркса, противъ котораго возстаемъ за границей.

Кромѣ того, проповѣдь соціализма въ русскомъ народѣ, по автору, величайшая нелѣпость, которой никто не повѣритъ, не увлечься не можетъ, а потому мы и выдумали для неопытныхъ юношей миѳъ о томъ, что соціализмъ—произведеніе инстинктивнаго міросозерцанія самого народа.

На послѣдній пунктъ отвѣтъ мы уже дали. Кромѣ того, человѣкъ, вѣрящій въ истинность и цѣлесообразность своихъ убѣжденій, обыкновенно не стѣсняется тѣмъ, что его не слушаютъ. Если-бы мы не вѣрили въ соціализмъ — другое дѣло: тогда намъ надобно было-бы изобрѣтать какіе-нибудь миѳы о настроеніи народа и его міросозерцаніи! но тогда проще было-бы вовсе не проповѣдывать его. Неужели авторъ думаетъ, что можно на Руси проповѣдывать соціализмъ, переносить „мягкія мѣры правительства“, выслушивать голоса общества и прессы—и въ то же время не вѣрить въ распространяемое ученіе? Кажется соблазнительнаго въ дѣятельности соціалиста немного. Скорѣе можно сказать, что у насъ многіе убѣжденные соціалисты молчатъ и всячески скрываютъ себя и свои убѣжденія отъ общества, потому что это грозитъ большими непріятностями.

Попытка автора разболтать, выдать чужой секретъ очень характерна. Обѣщался онъ торжественно оставить всякіе полицейскіе пріемы, но не выдержалъ! Такова ужь сила привычки! Дай, молъ, разскажу, что они, по секрету отъ русской публики, дѣлаютъ за границей. Замѣтьте, это говоритъ человѣкъ, не имѣющій объ насъ лично никакого понятія и знающій очень хорошо, насколько неудобно распространяться о томъ, что наши соотечественники дѣлаютъ за границей. Но... успокоимъ его. На этотъ разъ его сплетня никому вреда принести не можетъ. Секретъ его—секретъ знахаря: это—покушеніе на безопасность лица негоднымъ для преступленія объектами, родѣ попытки отравить нашептываніемъ на воду. Молодежь русская давно уже знаетъ, что мы—анархисты; она не со вчерашняго дня слыхала о вольныхъ общинахъ. Она знаетъ также, что экономическая теорія Маркса и ученіе его послѣдователей о всемогущемъ государствѣ—двѣ вещи разныя. Экономическіе взгляды Маркса раздѣляются многими лицами, которыя и слышать не хотятъ о „народномъ государствѣ“. Между интернаціоналистами-федералистами и соціаль-демократами велась, дѣйствительно, очень оживленная полемика по вопросу о значеніи государственнаго элемента въ будущемъ обществѣ; но пока никто еще изъ соціалистовъ, за исключеніемъ Дюранга, расходящагося во многомъ съ экономическими теоріями Маркса, не нападалъ на его ученіе о капиталистическомъ производствѣ.

Точно также много было писано и говорено о такъ-называемыхъ „вспышкахъ“, т. е. о реальной, фактической пропагандѣ соціалистическихъ идей. Но всѣ эти вопросы до сихъ поръ, по меньшей мѣрѣ, вопросы открытые. Теперь, между прочимъ, особенно любопытно было бы спросить нѣмецкихъ соціаль-демократовъ послѣ того, какъ они съ парламентской трибуны объявили, что у нихъ найдутся свои Засуличъ—какъ они полагаютъ на счетъ мирнаго пути и законной почвы?

Мы уже сказали, что вопросы эти не первый годъ дебатируются въ соціалистической литературѣ: что же касается до пререканій съ Марксомъ, то это ужъ дѣло пятилѣтней давности. Расхожденіе его съ федералистами было уже фактомъ послѣ печальной памяти Гаагскаго конгресса, и съ тѣхъ поръ самъ Марксъ удалился отъ практическихъ дѣлъ и не принимался болѣе за агитацію.

Страннѣе всего въ этомъ заявленіи то, что самый Женевскій конгрессъ 1876 г., на которомъ авторъ подслушалъ такія интересныя вещи, — произведеніе пылкой фантазіи автора.

Рекомендуемъ перебрать всѣ старыя газеты и навести справки, гдѣ угодно, и окажется, что не только соціалистическаго всесвѣтнаго съѣзда, но и никакого съѣзда въ Женевѣ въ это время не было.

Перебирая хронику соціалистическаго движенія за 1876 г., мы встрѣчаемся съ мѣстнымъ конгрессомъ Юрской федераціи въ Сентъ-Имье, съ годичнымъ конгрессомъ интернаціонала въ Вервье, съѣздомъ соціалистовъ разныхъ странъ въ Гентѣ, но въ Женевѣ мы никакого конгресса не помнимъ.

Не помнимъ также, чтобы соціаль-демократы когда нибудь доказывали тождество федерализма съ централизаціей: хотя они и противники коммунальной автономіи, но до такихъ вещей они еще не договаривались въ полемикѣ съ нами.

Программу Гентскаго конгресса мы тоже помнимъ. Тамъ были

поставлены вопросы о тенденціяхъ капиталистическаго производства, о значеніи ремесленныхъ союзовъ, въ качествѣ орудій соціалистической агитаціи, объ участіи рабочихъ въ политической борьбѣ и, наконецъ, объ образованіи новаго союза соціалистовъ разныхъ странъ.

Отчеты этого конгресса не были нигдѣ еще опубликованы, но, судя по корреспонденціямъ соціалистическихъ газетъ, по отчету нашего русскаго делегата объ немъ, наконецъ, по сообщенію одного заграничнаго буржуазнаго органа, проведшаго сквозь цензуру даже и въ наше отечество,—Гентскій конгрессъ не похожъ на тотъ, о которомъ повѣствуетъ авторъ.

„Что-же это такое?"—недовѣрчиво спроситъ иной читатель—„неужели человѣкъ, громко трубившій о своихъ намѣреніяхъ бороться съ соціалистами безъ помощи ссылокъ на уголовные законы, одними научными аргументами, рѣшился на такой странный фортель?"

Пусть люди, интересующіеся личностью г. хроникера „Вѣстника Европы", объясняютъ себѣ, какимъ образомъ случился съ нимъ такой казусъ и какіе мотивы руководили имъ — для насъ это не интересно. Къ подобнымъ явленіямъ намъ не привыкать стать, а потому мы не комментируемъ, не объясняемъ, а только констатируемъ тотъ фактъ, что Женевскій конгрессъ, о которомъ такъ подробно разсказываетъ авторъ, не существовалъ никогда на дѣлѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ бумагопрядильной фабрики Кенига. Конецъ прошлаго 1878 г. ознаменовался нѣсколькими болѣе или менѣе крупными столкновеніями петербургскихъ рабочихъ съ нанимателями. Мы хотимъ разсказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, заранѣе извиняясь въ томъ, что нѣсколько запоздали своимъ сообщеніемъ.

Самымъ характернымъ образомъ обрисовываетъ положеніе нашего «освобожденнаго» рабочаго стачка на бумагопрядильной фабрикѣ купца Кенига, потому мы отводимъ ей первое мѣсто въ нашемъ разсказѣ. Читателямъ извѣстно, что наши рабочіе по своему экономическому положенію рѣзко раздѣляются на «заводскихъ» и «фабричныхъ». Между тѣмъ какъ первые, при меньшей продолжительности рабочаго дня, получаютъ плату почти достаточную для сноснаго (въ русскомъ смыслѣ этого слова) существованія, фабричные находятся въ положеніи поистинѣ ужасномъ. Рабочій день здѣсь не бываетъ короче 14 ч.; въ 5 часовъ утра рабочій становится на работу, домой возвращается въ 8 ч. вечера. Во все это время ему дается только одинъ часъ (отъ 12 до 1 ч.) на обѣдъ и отдыхъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ продолжительность рабочаго дня еще болѣе. Его заработокъ рѣдко доходитъ до 25 р. въ мѣсяцъ, чаще же всего онъ колеблется между 17 и 20 р. Изъ этой ничтожной суммы онъ долженъ найти средства для прокормленія своей семьи, для уплаты податей и, наконецъ, для покрытія многочисленныхъ и разнообразныхъ штрафовъ. Эти послѣдніе составляютъ очень значительную отрицательную величину въ заработкѣ рабочаго. Налагаются они подъ самыми различными, подчасъ весьма остроумными предлогами; такъ, напр.: хотя работа на фабрикѣ Кенига, по условію, должна начинаться въ 5 ч., предприниматель, по пословицѣ «съ міру по ниткѣ — голому рубаха», начиналъ ее въ $4^3/_4$ ч.; кто не являлся за 5 м. до срока, установленнаго, такимъ образомъ, вопреки условію, подвергался уже штрафу.

Второй примѣръ. При фабрикѣ есть вѣчно-пьяный и ничего несмыслящій фельдшеръ. Самымъ радикальнымъ средствомъ отъ всѣхъ недуговъ рабочаго онъ считаетъ холодную воду, которою и обливаетъ заболѣвшихъ. Больничныя сцены изъ гоголевскаго «Ревизора», какъ видитъ читатель, повторяются и въ настоящее время. Несмотря на очевидное даже для рабочихъ невѣжество фельдшера, они обязаны были лечиться у него, подъ страхомъ штрафа за попытку получить болѣе полезный совѣтъ на сторонѣ. Если при расчетѣ, происходящемъ 15 и 30 числа каждаго мѣсяца, рабочій позволитъ себѣ спросить, на какомъ основаніи сдѣлань тотъ или другой вычетъ изъ слѣдуемыхъ ему денегъ, его штрафуютъ снова. Если хозяинъ не пріѣзжалъ ко дню разсчета и рабочіе освѣдомлялись, когда же они получатъ «жалованье» — они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машины, за мѣстоименіе «ты», употребленное въ разговорѣ съ мастеромъ, и т. д. и т. д. О прогульныхъ дняхъ нечего и говорить; несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульный день рабочій долженъ былъ проработать 2 дня безплатно.

При такомъ положеніи дѣлъ, спокойствіе на фабрикѣ, естественно, находилось въ очень неустойчивомъ равновѣсіи. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы вызвать то, что на полицейскомъ языкѣ называется «бунтомъ». Такимъ поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. При производствѣ работы на бумагопрядильной фабрикѣ, получается много отброса, состоящаго изъ порвавшихся нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ кучу такъ-называемой «пыли». Для сортировки ея на фабрикѣ Кенига существовали особыя женщины. Незадолго до описываемаго времени перемѣнили на фабрикѣ Кенига директора, и новая метла стала мести еще чище старой. Новый директоръ расчиталъ разбиравшихъ «пыль» женщинъ и возложилъ ея сортировку на «заднихъ мальчиковъ».*)

29 ноября эти мальчики, числомъ 33 ч., заявили мастеру, что они не будутъ работать, пока ихъ не избавятъ отъ этой новой обузы. Дѣло происходило въ 12 ч., когда рабочіе отправляются обѣдать. Послѣ обѣда мальчики, дѣйствительно, не пошли работать и стали дожидаться хозяина у зданія фабрики. Когда онъ явился къ нимъ и они попытались изложить ему свои жалобы, онъ безъ разговоровъ послалъ ихъ къ черту. Они разошлись по домамъ.

Подождавши нѣкоторое время своихъ подручныхъ, мюльщики заявили мастерамъ, что не могутъ управиться со станками безъ помощи мальчиковъ. Мастеръ увѣрялъ, что къ вечеру все уладится. Но время приближалось къ 8 ч., а мальчики не являлись. Чтобы имѣть возможность узнать имена «бунтовщиковъ», хозяинъ рѣшилъ выдать всѣмъ бывшимъ на лицо подручнымъ билеты. Всякому, кто на другой день не предъявитъ такого билета при входѣ на фабрику, грозила хозяйской карой. Но едва мастеръ сталъ раздавать эти билеты, раздался свистокъ, возвѣщающій окончаніе работы, и только трое изъ подручныхъ успѣли ихъ получить.

Несмотря на это, когда рабочіе стали на другой день собираться на фабрику, у подручныхъ спрашивали билеты, и такъ какъ они были только у трехъ, то всѣ остальные были прогнаны съ работы. Г. Кенигъ переходилъ, такимъ образомъ, въ наступленіе.

Но въ это время малолѣтніе стачечники получили неожиданное подкрѣпленіе. Ихъ взрослые товарищи объявили мастерамъ, что будутъ работать только подъ условіемъ исполненія требованій «мальчиковъ». Фабричная администрація не была расположена къ уступкамъ: рабочіе съ своей стороны рѣшились привести угрозу въ исполненіе. Они вышли гурьбою изъ зданія фабри-

*) Каждый прядильщикъ (мюльщикъ) работаетъ на двухъ станкахъ, причемъ у него есть 2 подручныхъ мальчика: т. н. „средній" 17—19 л. и „задній" 12—14 л. Эти послѣдніе работаютъ тѣ-же 14 ч., что и взрослые.

ли и присоединились къ толпившимся на улицѣ подручнымъ. Они надѣялись, что хозяинъ пріѣдетъ для объясненія съ ними и имъ удастся убѣдить его сдѣлать уступки. Кенигъ однако не являлся, и рабочіе рѣшили заявить полиціи о своемъ отказѣ отъ работы. Толпой направились они въ участокъ, но здѣсь-то и начались мытарства «бунтовщиковъ». Дежурный околодочный послалъ ихъ въ Екатерингофскій садъ, куда обѣщался пріѣхать для объясненій приставъ. Въ 9 ч. послѣдній, дѣйствительно, появился въ саду, сопровождаемый какою-то личностью, которую потомъ видѣли въ III Отд., и вступилъ въ переговоры съ рабочими. Прежде всего онъ освѣдомился объ именахъ близь стоявшихъ прядильщиковъ. Онъ узналъ и записалъ такимъ образомъ 4 фамиліи, пока простяки не поняли, въ чемъ дѣло, и не объявили ему, что знать имена для него не важно, такъ какъ отказались работать всѣ. Они передали ему письменное изложеніе своихъ жалобъ. Приставъ запѣлъ обычную въ этихъ случаяхъ пѣсню о томъ, что мѣшаться въ отношенія рабочихъ къ хозяевамъ полиція не имѣетъ права, такъ что сдѣлать онъ ничего не можетъ, но, впрочемъ, передастъ ихъ заявленіе градоначальнику. Толпа стала расходиться по домамъ. Тѣ 4 рабочихъ, имена которыхъ успѣлъ записать приставъ, были задержаны и отправлены въ участокъ. Тамъ ихъ продержали до обѣда и, отпуская, приказали явиться къ 8 ч. вечера въ III Отд. Несчастные ничего не понимали, но, явившись туда, они встрѣтили тамъ своего хозяина съ двумя мастерами. Начался разборъ ихъ взаимныхъ обвиненій. Первое слово было дано Кенигу. Если читатель припомнитъ защитительныя рѣчи Гетевскаго Рейнеке-Лиса, онъ составитъ себѣ полное понятіе о смыслѣ кениговскихъ объясненій. По его объясненіямъ выходило, что рабочіе его фабрики живутъ какъ нельзя лучше, что его отношенія къ нимъ всегда были безукоризненны, такъ что стачку нужно цѣликомъ отнести на счетъ «постороннихъ внушеній». Г. Кенигъ обѣщался даже узнать и указать полиціи подстрекателей. Когда рабочіе пытались возражать ему, ихъ не хотѣли и слушать. «Знаемъ мы эти рѣчи, закричали на нихъ, мы упечемъ васъ туда, куда вы и не ждете! Завтра-же идите на работу, въ противномъ случаѣ мы заставимъ васъ работать силой; такъ и товарищамъ скажите».

Съ этимъ назиданіемъ ихъ отпустили домой. Третьеотдѣленское внушеніе не произвело однако ожидаемаго впечатлѣнія, и на утро фабрика была пуста, какъ и наканунѣ. Рабочіе толпились около зданія фабрики, но и не думали приниматься за работу. Часамъ къ десяти утра пріѣхалъ какой-то «генералъ» изъ синихъ и спросилъ: «всѣ ли рабочіе на лицо?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ идти всѣмъ на дворъ фабрики. Тѣхъ, кто не шелъ во дворъ добровольно, вталкивали городовые. Когда на улицѣ не осталось никого, фабричныя ворота были заперты и рабочимъ предложили войти въ контору. Здѣсь ихъ разставили двумя рядами и генералъ, сопровождаемый двумя мастерами, обошелъ всѣ ряды; очевидно, кениговское указаніе на постороннее подстрекательство произвело впечатлѣніе у Цѣпного моста, и тамъ рѣшили поймать агитаторовъ. Но никого изъ постороннихъ не оказалось. Послѣ этой повѣрки, генералъ приступилъ къ «увѣщанію». То ласково, то грозя строгимъ наказаніемъ за ослушаніе, просилъ онъ рабочихъ покориться хозяину и приняться за работу.

Когда рабочіе были, повидимому, достаточно обстрѣлены артилерійскимъ огнемъ жандармскаго краснорѣчія, пустился въ атаку самъ г. Кенигъ; онъ прочиталъ новыя правила, предлагая рабочимъ или согласиться на нихъ, или убираться съ фабрики. Какъ видитъ читатель, планъ атаки былъ составленъ очень недурно: сначала жандармское внушеніе, затѣмъ, какъ снѣгъ на голову, новыя правила и неизбѣжная для рабочихъ альтернатива—или идти на работу, или выказать себя «бунтовщиками» и «зачинщиками» въ глазахъ строгаго генерала. Разсчитывали на неизбѣжное въ такихъ случаяхъ отсутствіе единодушія, на невозможность для болѣе вліятельныхъ рабочихъ высказаться и поддержать колеблющуюся массу. Этотъ планъ непремѣнно удался бы, если бы г. Кенигъ не пересолилъ въ своихъ вновь-высиженныхъ правилахъ, которыя оказались еще тяжелѣе старыхъ. Эта безтактность погубила ловко задуманный гешефтъ. Рабочіе единодушно заявили свое нежеланіе работать и начали выходить изъ конторы. Генералъ окончательно потерялъ терпѣніе. Угрозы тюрьмой, Сибирью и т. д. снова посыпались на «свободныхъ» рабочихъ. «Вы слушаете злыхъ людей», кричалъ потерявшій всякій тактъ бурбонъ. «У меня здѣсь сто шпіоновъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ, но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько-же! Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, сейчасъ-же въ Архангельскъ сошлю!» и т. д. Однако и эти новые громы не принесли желаннаго результата: рабочіе разошлись по домамъ и рѣшились на крайнюю мѣру, къ которой всегда прибѣгаетъ русскій человѣкъ, пока не убѣдится, что ему остается апелировать только къ собственному кулаку—они рѣшились подать просьбу Наслѣднику. Утромъ 2 декабря человѣкъ 30 рабочихъ отправились къ Аничкову дворцу. Оказалось, разумѣется, что державный сынокъ такъ же не любитъ оборванной черни, какъ и его папенька: даже прошеніе не было принято. Какой то наивный офицеръ посовѣтовалъ имъ обратиться къ Зурову. Совѣтъ былъ исполненъ, и 4-го декабря Зуровъ явился съ отвѣтомъ. Какъ видитъ читатель, это было только нѣсколько дней спустя послѣ знаменитаго Зуровскаго «отвѣта» студентамъ-медикамъ. Энергичный градоначальникъ и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ. Выругавши рабочихъ самыми непечатными словами, объявилъ имъ, что прочелъ ихъ просьбу и завтра пришлетъ своего чиновника для разрѣшенія ихъ недоразумѣній съ Кенигомъ. Вмѣсто обѣщаннаго вѣстника мира, въ ночь 5—6 декабря полиція стала ходить по квартирамъ рабочихъ и выгонять ихъ на улицу. Собравши порядочную толпу, ихъ потащили въ III Отдѣленіе. Новыя застращиванія, брань и новыя приказанія сегодня-же становиться на работу. «Да нынче праздникъ» — пытался возразить одинъ изъ рабочихъ. — Я тебѣ дамъ праздникъ, лѣнтяй ты этакій! — закричалъ на него увѣщавшій — нынче нѣтъ праздника! «Какъ нѣтъ? да нынче Никола, ваше благородіе», заговорили рабочіе, и III-отдѣленскіе святоши должны были прикусить языкъ. Въ 7 ч. утра рабочихъ выпустили, наконецъ, и приказавъ имъ собраться у фабрики и ожидать тамъ чиновника для окончательнаго рѣшенія дѣла. Приказаніе и на этотъ разъ было исполнено: немедленно около зданія фабрики образовалась толпа и стала ожидать, что будетъ. Къ уступкамъ никто изъ рабочихъ не былъ расположенъ. Часовъ около 9 утра къ толпѣ подъѣхалъ Кенигъ и сталъ глумиться надъ рабочими: «Подождите, подождите, а мнѣ ждать некогда, я покуда поѣду въ городъ». На заявленіе рабочихъ,

что за его отсутствіемъ чиновнику нельзя будетъ разобрать дѣло, Кенигъ на то отвѣтилъ: «подождите!» — и преспокойно отправился въ городъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его отъѣзда пріѣхалъ чиновникъ и, узнавши, что Кенигъ не захотѣлъ его дожидаться, смиренно заявилъ, что онъ можетъ подождать «господина Кенига». Прошло около часу безплоднаго ожиданія на сильномъ морозѣ. Соскучившіеся рабочіе стали донимать чиновника шуточками, высказывая предположеніе, что шинель недостаточно грѣетъ «генерала». Мало по малу шутки стали переходить въ рѣзкія замѣчанія, а затѣмъ и въ брань. «Отъ него ничего не дождешься», кричали рабочіе, «онъ тоже, должно, съ хозяина-то получилъ!» Чиновникъ разсвирѣпѣлъ: «Бери ихъ, подлецовъ!» — крикнулъ онъ близъ стоявшимъ городовымъ. Но четверо полицейскихъ ничего не могли подѣлать съ выведенною изъ терпѣнія толпою: рабочіе не позволили арестовать никого изъ своихъ товарищей. Въ эту критическую минуту вернулся изъ города Кенигъ, и рабочіе успокоились, въ ожиданіи разбора ихъ дѣла. Оказалось, что несчастный чиновникъ пріѣзжалъ совершенно напрасно. Несмотря на всѣ предъидущія застращиванія, рабочіе твердо настаивали на исполненіи ихъ требованій, а такъ какъ Кенигъ не желалъ уступить, то всѣ они взяли разсчетъ.

Количество рабочихъ на бумагопрядильнѣ Кенига было невелико: около 200 человѣкъ, изъ которыхъ взрослыхъ было не болѣе 80. Поэтому онъ безъ труда нашелъ новыхъ рабочихъ, которые согласились на условія поистинѣ невѣроятныя. Рабочій день продолжается нынѣ на бумагопряд. Кенига съ 5 ч. утра до 12 ч. вечера; изъ этихъ 19 ч. только 1 ч. полагается на ѣду. Мы не говоримъ о другихъ условіяхъ, которыя были бы непонятны читателю, не имѣющему спеціальнаго знакомства съ техникой прядильнаго ремесла. Скажемъ одно—всѣ они сводятся къ тому, что, затрудняя трудъ рабочаго, сильно понижаютъ и безъ того низкій заработокъ.

Пусть же судитъ читатель, ошибаются ли люди, утверждающіе, что русскій рабочій находится подъ двойнымъ гнетомъ рабства экономическаго и политическаго.

—

Въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ предложеніе труда не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ прядильномъ и ткацкомъ, стачки не всегда кончаются въ ущербъ рабочимъ.

Такъ, напр., въ концѣ августа, на фортепьянной фабрикѣ Беккера, что на набережной Большой Невки, произошло столкновеніе рабочихъ съ хозяевами по слѣдующему поводу. Въ одной изъ мастерскихъ фабрики работаетъ до 40 ч. Половина изъ нихъ т. н. ящичники, т. е. столяры, дѣлающіе остовъ фортепьяно, остальные — сборщики—нѣмцы. Всѣ эти рабочіе получали отъ хозяина квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Говоря точнѣе, они жили частію въ кухнѣ, частью въ мастерской. Въ описываемое нами время, хозяину понадобилась кухня, и онъ безъ церемоніи приказалъ рабочимъ очистить ее. Такимъ образомъ, имъ предстояли новые расходы на квартиру, и они рѣшили требовать повышенія поштучной платы, именно, набавить на каждый „ящикъ“ по 2 р. (прежняя плата доходила до 29—38р. за ящикъ). Хозяинъ отвѣчалъ, что они легко могутъ увеличить свой заработокъ, если перестанутъ „понедѣльничать“, т. е. будутъ аккуратнѣе являться на работу въ понедѣльникъ. Рабочіе забастовали. Черезъ три дня хозяинъ объявилъ черезъ мастера, что онъ согласенъ на повышеніе платы, и работа пошла по прежнему: только г. Беккеръ пересталъ заходить въ мастерскую, опозорившую себя „бунтомъ“.

Такъ-же неудачно для хозяевъ кончились стачки на табачныхъ фабрикахъ Мичри и Шапшала. Эти послѣднія стачки тѣмъ интереснѣе, что онѣ произошли въ средѣ исключительно женской.

24 сентября, на табачной фабрикѣ Мичри появилось объявленіе, за подписью управляющаго, гласившее приблизительно слѣдующее:

„Симъ объявляю, что папиросницы, получавшія 65 к. за 1000 шт. папиросъ 1-го сорта, отнынѣ будутъ получать 55 к.; за 1000 папиросъ II-го сорта, вмѣсто прежнихъ 55 к., будетъ платиться 45 к.“

Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ готовыхъ папиросъ.

Мастерицы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и отправились въ контору для объясненій. Тамъ онѣ объявили прикащику, что не согласны работать за уменьшенную плату и просили принять отъ нихъ палочки и машинки для дѣланія папиросъ. Отвѣтомъ на это заявленіе была непечатная брань со стороны прикащика. Онъ предложилъ имъ убираться немедленно, такъ какъ на ихъ мѣсто много охотницъ. Грубое обращеніе прикащика окончательно взорвало мастерицъ: палочки, машинки, скамейки полетѣли въ окна; прикащикъ струсилъ и послалъ за хозяиномъ. Г. Мичри не заставилъ себя долго ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а болѣе всего обѣщаніе не понижать плату успокоили толпу, состоявшую приблизительно изъ 100 мастерицъ. Попытка понизить и безъ того невысокую плату окончилась полною неудачей.

Черезъ 2 дня таже исторія повторилась на табачной фабрикѣ бр. Шапшалъ*), на Пескахъ.

26 сентября на фабрикѣ было вывѣшено слѣдующее объявленіе:

МАСТЕРИЦАМЪ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЪ.

„Симъ объявляю, что, по случаю остановки товара, я сбавляю съ каждой 1000 папиросъ—10 коп.“

Шапшалъ.

Мастерицы, здѣсь уже въ количествѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе, и на его мѣсто вывѣсили слѣдующее:

ХОЗЯИНУ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЪ.

„Мы, мастерицы вашей фабрики, симъ объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.“

Мастерицы вашей фабрики.

Прикащикъ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы онѣ указали писавшую объявленіе. Это требованіе было встрѣчено рѣшительнымъ отказомъ. Мастерицы заявили прикащику, что объявленіе писалось отъ имени всѣхъ ихъ, и что ни одна изъ нихъ не согласна на пониженіе платы. Онѣ начали обираться и уходить. Прикащику оставалось только „умыть руки“ и послать за хозяиномъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшалу пришлось уступить — величина платы осталась прежняя.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

Аресты и обыски.—Студенческія волненія.—Земство и администрація. — Татарскія волненія. — Чума.

— Какъ будто чего недостаетъ, когда пройдутъ сутки и не слышишь о новыхъ арестахъ и обыскахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ обыскъ, а тѣмъ болѣе арестъ, былъ событіемъ въ городѣ. Теперь долиберальничались до того, что лишеніе свободы, насиліе домашняго очага стали для насъ привычнымъ, повседневнымъ явленіемъ. Можно было бы наполнять цѣлый листъ одними описаніями арестовъ; волей-неволей приходится поэтому останавливаться только на выдающихся казусахъ и подводить итоги остальнымъ. Просто, надобно будетъ открыть особый отдѣлъ въ журналѣ, подъ заглавіемъ: вѣдомость арестовъ, обысковъ и ссылокъ. Не смотря на свое недавнее существованіе, „Земля и Воля“ имѣетъ уже свой мартирологъ. Въ 3-ей гимназіи былъ уже обыскъ въ серединѣ ноября изъ-за „Земли и Воли“. Студентъ московскаго техническаго училища, Левенталь, былъ схваченъ на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги съ заграничными изданіями и нѣсколькими экземплярами „Земли и Воли“. Но, кромѣ обычныхъ козловъ отпущенія—русской молодежи, на этотъ разъ полицейскіе прихватили и лицъ изъ другихъ сферъ. Побывали жандармы и въ главномъ штабѣ, и въ правленіи Поти-Тифлисской жел. дороги. Въ этомъ учрежденіи визитъ былъ вызванъ доносомъ швейцара. Не желая, вѣроятно, держать на свой счетъ полицейскаго шпіона, правленіе разсчитало его. Полиція сочла нужнымъ сдѣлать запросъ директору, какъ онъ осмѣлился прогнать такого прекраснаго человѣка. Скоро обяжутъ всѣ частныя учрежденія столицы имѣть на жалованьи по нѣсколько шпіоновъ между служащими.

Хроника иногородныхъ арестовъ тоже обогатилась нѣсколькими небезынтересными фактами. Въ Москвѣ было сдѣлано нападеніе со взломомъ дверей на квартиру учительницы Александровой. У нея захваченъ былъ нѣкто Арцибушевъ, котораго полиція, послѣ исторіи съ московскимъ мясницкимъ побоищемъ, отпустила на поруки

*) Хозяева разныхъ табачныхъ фабрикъ, очевидно, стакнулись понизить плату одновременно.

его матери. Обыскъ и арестъ сопровождались рядомъ грубыхъ насилій. Александровой жандармы, желая вырвать у нея изо рта какую-то бумажку, исцарапали все лицо, повалили ее на полъ и нанесли ей побои. Нашествіе иноплеменныхъ и арестъ Александровой произвели страшное впечатлѣніе на двухъ ея сожительницъ и ученицъ, крестьянскихъ дѣвушекъ, которыхъ она приготовила къ учительскому званію. Одна изъ нихъ, какъ говорятъ, и до сихъ поръ еще не можетъ оправиться отъ неожиданной катастрофы. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что Александрова была одною изъ лучшихъ учительницъ, какихъ только имѣетъ наше отечество. Преданность ея дѣлу народнаго образованія была извѣстна всѣмъ, интересовавшимся этимъ дѣломъ, репутація, въ смыслѣ легальности, безукоризненная. Ничто, однакоже, не спасло ея отъ Петропавловки, гдѣ она и Арцибушевъ содержатся уже около мѣсяца, и мы не слыхали, чтобы гг. либералы, восхищавшіеся дѣятельностью этой фанатички народной школы, сдѣлали хоть какую-нибудь попытку похлопотать объ освобожденіи невинно-страждущаго человѣка. Можетъ быть, не укажетъ-ли хоть этотъ случай наивно вѣрующимъ еще въ возможность народнаго просвѣщенія въ Россіи, что дѣятельность, въ какой бы то ни было формѣ, на пользу народа—самая дурная аттестація въ глазахъ начальства, и заслуги на этомъ поприщѣ—прямые шаги къ тюрьмѣ.

Изъ другихъ обысковъ, мы упомянемъ только о бывшемъ въ началѣ декабря въ Петербургѣ на Кронверкскомъ просп. Интересенъ онъ тѣмъ, что при немъ со всею строгостію соблюдалось постановленіе объ употребленіи жандармами оружія: вся свита пристава во все время обыска держала револьверы на-готовѣ, чуть-ли не со взведенными курками. Пріятное положеніе — простоять нѣсколько часовъ подъ дуломъ пистолета, и потомъ прочесть въ протоколѣ обыска, что у васъ „ничего подозрительнаго не найдено“.

Закончимъ нашъ обзоръ арестовъ и полицейскихъ преслѣдованій сообщеніемъ двухъ трагическихъ происшествій. Мы привели уже выше письмо Бобохова, оказавшаго вооруженное сопротивленіе при поимкѣ его урядникомъ. Это не единственный случай за послѣднее время. Въ Старой Руси полиція арестовала офицера нѣмецкаго полка Дубровина и рядового изъ вольноопредѣляющихся Ераема Лобойко. Чѣмъ навлекли они на себя подозрѣніе полиціи — въ точности не извѣстно. Говорятъ о какихъ-то перехваченныхъ письмахъ, о сношеніяхъ со столицей, но все это не болѣе, какъ слухи. Извѣстно только, что Дубровинъ, при появленіи жандармовъ, рѣшился не даваться живымъ въ руки и сдѣлалъ по нимъ три выстрѣла. Борьба была неравная. Архаровцы насѣли на него и принялись крутить ему руки. „Эразмъ! выручай!“ — крикнулъ онъ Лобойко, находившемуся въ другой комнатѣ. Лобойко бросился на помощь товарищу съ кинжаломъ въ рукахъ, но и ему удалось только раздѣлить участь товарища. Бобоховъ, Дубровинъ и Лобойко, говорятъ, уже привезены въ Петербургъ. Интересно знать, хватитъ-ли у правительства наглости примѣнить къ нимъ законъ о вооруженномъ сопротивленіи чинамъ полиціи? Отнесется-ли общество по прежнему безучастно къ проявленію правительственнаго разбойничества? Если да, то пусть не сѣтуетъ на тѣ послѣдствія, которыя оно неминуемо вызоветъ за собою. И такъ уже многія жертвы ждутъ своего отмщенія, много злодѣевъ избѣжало суда. Дальше такъ продолжаться не можетъ!

— Въ прошлый разъ мы не окончили нашего разсказа о студенческихъ волненіяхъ; теперь, прежде чѣмъ перейти къ продолженію его, исправимъ вкравшуюся ошибку: членами суда были не названные нами лица, а профессора Бауэръ и Фаминцынъ, подъ предсѣдательствомъ Таганцева. Насколько дешево отдѣлались университетскіе студенты, благодаря стремленію ректора и профессоровъ охранить университетъ отъ вмѣшательства полиціи; настолько крута была расправа въ Академіи, гдѣ начальство выдало студентовъ Зурову головой. Сходка на другой день послѣ побіенія и ареста студентовъ въ Московскихъ казармахъ окончилась безъ кровавой катастрофы, только благодаря тому, что студенты успѣли раньше разойтись. Войска налетѣло достаточно, полиція гнала публику по дворамъ и приказывала дворникамъ запирать ворота и закрывать ставни въ нижнихъ этажахъ. Расправа, очевидно, готовилась на славу и только случайно не была приведена въ исполненіе. Относительно исторіи съ арестомъ 142 студентовъ въ манежѣ Московскихъ казармъ, намъ сообщено много данныхъ, а потому мы имѣемъ полную возможность возстановить это событіе во всѣхъ его подробностяхъ.

Оказывается, что сходка, бывшая 30-го ноября въ химической аудиторіи въ 3 ч. дня, по поводу арестовъ нѣсколькихъ студентовъ (братьевъ Дубницкихъ, Гончарова, Поливанова и др.) и для выслушанія отвѣта Зурова, къ сумеркамъ успѣла уже разойтись. Большая часть лицъ, подвергшихся аресту въ Московскихъ казармахъ, состояла изъ любопытныхъ, изъ занимавшихся въ студенческой библіотекѣ, изъ дожидавшихся тамъ открытія анатомической залы и изъ лицъ, пришедшихъ освѣдомиться, почему полиція прекратила сообщеніе между Выборгской стор. и городомъ черезъ Воскресенскій мостъ. Констатированъ также фактъ, что полиція не дала студентамъ времени разойтись и пустила на толпу жандармовъ въ карьеръ съ саблями на-голо. Относительно употребленія нагаекъ, удостовѣрено точно также, что онѣ, какъ общая мѣра, не прилагались къ дѣлу. Рядомъ съ нагайками, въ очень обширныхъ размѣрахъ практиковались пики, удары саблей плашмя, приклады и т. д. Студенты просили позволенія разойтись, начальство ревѣло въ отвѣтъ „поздно!“ Между тѣмъ обычнаго троекратнаго предупрежденія не было сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ было отдано громогласно приказаніе: „смотрѣть, чтобы ни одна шельма не выркалась!“

Тонъ и обращеніе высшихъ чиновъ со студентами тоже не оставляли желать ничего лучшаго: когда дворъ Академіи и библіотека были окружены, одинъ изъ студентовъ громко сказалъ: „господа! расходиться поздно—намъ остается только держать себя съ достоинствомъ“. Слова эти были услышаны жандармскимъ офицеромъ: студентъ былъ схваченъ и представленъ главнокомандующему внутренней арміей. Генералъ (очень жаль, что намъ не сообщили его фамиліи: полезно было-бы ее знать) приказалъ казаку студента держать за воротъ, „а въ случаѣ что — бить по рожѣ“. Одинъ изъ офицеровъ, замѣтивъ папироску у студента, заоралъ на него, какъ бѣшеный: „брось, невѣжа!“ (Какая великосвѣтская требовательность!) Пинки, ругательства, пошлое бахвальство, до котораго только можетъ дойти трусъ надъ безоружнымъ человѣкомъ, — все это уже достаточно констатировано цѣлой сотнею свидѣтелей. Замѣчено также было, что въ атаку пущены были нижніе чины жандармскаго эскадрона; офицеры же появились только тогда, когда убѣдились, что опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ.

Во все время ареста въ библіотекѣ и на дворѣ жандармы были съ саблями на-голо, а казаки держали нагайки въ рукахъ. Арестованныхъ препровождали въ Московскія казармы, окруживъ сплошнымъ строемъ солдатъ, казаковъ и жандармовъ. Напрасно студенты просили идти потише, такъ какъ двое изувѣченныхъ не могли двигаться сами и ихъ пришлось нести и вести подъ руки. „Не вздохнуть!“—утѣшали солдаты, и въ то же время раздавалась воинственная команда: „Нажми на хвостъ!“ Вслѣдъ затѣмъ пускались въ ходъ приклады и ругательства. Замѣчено было всѣми много пьяныхъ между солдатами, особенно между жандармами. Очевидно, порядокъ всего лучше возстановлять въ пьяномъ видѣ. Это доказалъ еще Наполеонъ III.

Студенты были помѣщены не въ казармахъ, а въ манежѣ Московскаго полка — холодномъ и сыромъ зданіи; спать пришлось изъ на мокрой соломѣ. Многіе изъ нихъ схватили бронхитъ и лихорадку. Только на другой день отведено было имъ отопляющееся помѣщеніе, но до такой степени тѣсное, что пришлось просить разрѣшенія выбить стекла — иначе заключеннымъ грозила асфиксія. Начальство было, очевидно, очень разочаровано, когда, произведя провѣрку и перекличку арестованнымъ, нашло среди 142 человѣкъ всего только одного посторонняго, молодого человѣка, готовящагося въ какое-то высшее учебное заведеніе. Какихъ свирѣпыхъ революціонеровъ нахваталъ Зуровъ, можно видѣть уже изъ того, что, на предложеніе нѣкоторыхъ подать протестъ начальнику Академіи противъ самоуправства полиціи; изъявили согласіе только 63 человѣка изъ 142. Подозрительнаго у большинства ничего не найдено, что однакоже не помѣшало начальству выбрать 25 человѣкъ и отправить ихъ въ пересыльную тюрьму. 9-го остальныхъ выпустили, съ угрозой: при малѣйшемъ намекѣ на неблагонамѣренность, поступить съ ними безжалостно (до сихъ поръ поступали, должно быть, очень гуманно!).

Вотъ списокъ лицъ, взятыхъ изъ манежа для высылки въ сѣверныя губерніи. Студенты I курса: Соколовъ, Филатовъ, Гречь, Мануйловъ, Лебедевъ Николай, Шмаровъ, Куноцкій и Годзевичъ; студенты II к.: Синяжерскій, Деличъ и Куминовъ; III-го курса: Косоротовъ; Маноцкій, Звягинцевъ, Поповъ и Федоровъ; IV-го курса: Емельяновъ, Гаркави, Сироткинъ, Клѣщовъ и Модестовъ; V-го к.: Чудновскій и Ерошевскій; Арустамовъ—вольнослушатель, Арепьевъ и Гейдаровъ — постороннія лица. Итого 26 человѣкъ. Всѣ-ли они уже высланы или нѣтъ—мы опредѣлительно сказать не можемъ. За то относительно арестованныхъ раньше по этому дѣлу: брат. Дубницкихъ, Поливанова, Гончарова, Сметанина и Урусова—мы имѣемъ свѣдѣніе, что ихъ нѣтъ уже въ городѣ.

Что же сдѣлало академическое начальство и ученый синклитъ для предотвращенія безобразныхъ послѣдствій этой исторіи? Пока неизвѣстно. Знаемъ только, что лейбъ-медикъ Боткинъ успокоивалъ студентовъ, говоря, что правое дѣло всегда восторжествуетъ, а потому и безпокоиться нечего. Знаемъ, что „Правительственный Вѣстникъ“, якобы со словъ Склифасовскаго и Богдановскаго, опровергалъ слухи о побояхъ и увѣчьяхъ; арестованные кромѣ того заявляли помянутымъ профессорамъ, что гигіеническая обстановка ихъ временной тюрьмы невыносима; но получили отвѣтъ, что они, гг. профессора, ничего сдѣлать не могутъ. Мы сильно сомнѣваемся въ правительственномъ сообщеніи, скажемъ болѣе—это ехидное извращеніе профессорскихъ показаній. Случаевъ тяжкихъ увѣчій было

было только два — это вѣрно, но объясненіе, что потерпѣвшіе сами себя изувѣчили во время бѣгства (вѣроятно, чтобы ловчѣе бѣжать?) принадлежитъ г. Макову. Богдановскій зналъ, что студенты были во дворѣ академіи въ шубахъ и пальто. При такихъ обстоятельствахъ и сильные побои иногда не оставляютъ послѣ себя внѣшнихъ признаковъ, вродѣ подтековъ и т. д. Онъ не рѣшился бы давать рискованнаго показанія, что студентовъ не били. Наконецъ, мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что „Правительственный Вѣстникъ“ передалъ его показаніе невѣрно. Кромѣ того, протокола осмотра потерпѣвшихъ за подписями Склифасовскаго и Богдановскаго мы не видали, а мы знаемъ, какъ безцеремонно обращаются у насъ со словесными объясненіями правительственные врали. Поэтому мы не рѣшаемся возлагать отвѣтственность за сообщеніе „Прав. Вѣст.“ на гг. профессоровъ и всецѣло приписываемъ его наглости г. Макова.

Хорошо заявилъ себя и наша „надежда“, г. наслѣдникъ престола. Правда, носятся слухи, что онъ былъ въ московскихъ казармахъ съ экс-супругомъ г-жи Числовой и совѣтовалъ получше обращаться со студентами; но это пока еще одна легенда. Фактъ—заявленіе, вывѣшенное въ академіи въ отвѣтъ на прошеніе къ нему студентовъ, гдѣ объясняется, что студенты должны обращаться со своими просьбами по начальству, установленнымъ порядкомъ; обращеніе же къ нему незаконно и оставляется безъ послѣдствій. Что за свинство, подумаешь! Къ человѣку обращаются съ просьбой о насущныхъ нуждахъ, ему оказываютъ довѣріе, котораго онъ до сихъ поръ еще ничѣмъ не заслужилъ,—а онъ, вмѣсто дѣльнаго отвѣта, заявляетъ, что просьба подана не съ того крыльца!

Харьковскія и петербургскія волненія въ университетахъ и медико-хирургической Академіи не прошли безслѣдно и для другихъ учебныхъ заведеній: даже путейцы рѣшились нарушить молчаніе и подали петицію министру Путяту, приблизительно такого же содержанія, какъ и медицинская. Министръ заявилъ имъ въ отвѣтъ, что ходатайство ихъ незаконно. Будто студенты сами не знали этого! Насколько намъ извѣстно, домогательства путейцевъ такъ и остались безъ всякихъ послѣдствій.

Перейдемъ теперь къ провинціальнымъ университетамъ. Въ Кіевѣ начальству затушило студенческія волненія, прекративъ преждевременно чтеніе лекцій и объявивъ о рождественскихъ каникулахъ. Къ чести университета нужно сказать, что онъ съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить полиціи до расправы въ университетѣ.

Всю силу репрессій и ненависти правительства къ молодежи пришлось испытать на себѣ многострадальному харьковскому универ. Попечитель округа, какъ извѣстно, отказался дать сколько нибудь осмысленный отвѣтъ на заявленія и требованія студентовъ.

Въ университетѣ продолжались собранія, гдѣ студенты этого заведенія, купно со слушателями ветерин. института, обсуждали, что предпринять въ дальнѣйшемъ, для обезпеченія требуемыхъ правъ.

Нѣкоторые изъ профессоровъ, напр., Даневскій — преподаватель международнаго права, увѣщевали студентовъ держаться строго-легальной почвы, и эти заявленія не только не вызывали протеста, но находили даже отголосокъ между студентами. Словомъ, не было никакихъ признаковъ, которые указывали-бы на подготовленіе какой-либо демонстраціи противъ властей, не говоря уже о чемъ-либо болѣе серьезномъ.

13 декабря, совершенно неожиданно для большинства студентовъ, было вывѣшено въ 5 ч. вечера объявленіе въ университетѣ о закрытіи его „по случаю приближающихся праздниковъ“. Почти никто изъ студентовъ не видалъ этого объявленія, а потому на другой день съ утра начали подходить къ университету студенты и профессора: кто на лекціи, кто за полученіемъ писемъ, кто за отпуском на вакантное время; но, къ удивленію, нашли около запертыхъ дверей храма науки штукъ 60 полицейскихъ, не пускающихъ никого въ зданіе. На всѣ вопросы одинъ отвѣтъ: „заперто, пущать не велѣно“. Среди общаго недоумѣнія, является испр. должность губернатора — Мартенсъ и требуетъ, чтобы толпа немедленно разошлась. Раздаются вопросы, требуютъ объясненія; но Мартенсъ, не давши никакого толковаго отвѣта, объявляетъ, что даетъ собравшимся 5 минутъ сроку чтобы разойтись, и затѣмъ, не слушая никакихъ объясненій ретируется неизвѣстно куда. Появляются двѣ сотни казаковъ, спѣшиваются и окружаютъ собравшуюся толпу. Около оцѣпленной группы собирается толпа любопытныхъ. Ректоръ университета является изъ своей квартиры къ студентамъ и проситъ ихъ разойтись. „Мы бы рады, да казаки насъ не пускаютъ“—слышится отвѣтъ. Предвидя, что дѣло не окончится добромъ, ректоръ приглашаетъ студентовъ войти въ правленіе университета. Есаулъ, командовавшій казаками, съ трудомъ согласился пропустить одного ректора, а относительно студентовъ, неизвѣстно ради чего, гаркнулъ: „отца роднаго не пощажу!“ Несмотря на такой наглый, вызывающій образъ дѣйствій, несмотря на то, что казаки были пьяны и напрашивались на дерзости, толпа сохраняла полное спокойствіе. Черезъ нѣсколько минутъ получаетъ офицеръ какую-то таинственную записку отъ Мартенса, рветъ ее и командуетъ: „въ плети!“ Начинается безобразная сцена. Мы имѣемъ около 10 корреспонденцій объ этомъ событіи, отъ лицъ различнаго званія и положенія въ обществѣ. Тонъ ихъ и оцѣнка событія различны, но всѣ сходятся въ чувствѣ глубокаго омерзенія и ужаса передъ описаніемъ этого Мамаева побоища. Казаки, которыхъ было, по крайней мѣрѣ, вдвое-втрое больше, нежели студентовъ, и которые могли бы ихъ просто разобрать по рукамъ, тѣмъ болѣе, что никто не сопротивлялся,—кинулись бить на смерть нагайками студентовъ.

Предоставляемъ слово одному изъ многочисленныхъ очевидцевъ этого событія:

„Крики, вопли, стоны раненыхъ и смятыхъ и дикіе возгласы казаковъ—все это представляло какую-то картину временъ монгольскаго нашествія. Скоро все смѣшалось въ одну кучу. Нетолько студентамъ, досталось и профессорамъ, и посторонней публикѣ. Страшное побоище длилось минутъ пять. Хорошо было тому, кто успѣлъ вырваться и спастись бѣгствомъ. Упавшихъ затаптывали и били нагайками. Очевидно, правило „лежачаго не бьютъ“ между казаками не имѣетъ права гражданства. Били, какъ я уже сказалъ, кого попало. Одинъ купчина, въ экстазѣ кричавшій: „катай, катай ихъ, бунтовщиковъ!“—самъ получилъ нѣсколько нагаекъ по головѣ.

Результаты побоища были ужасны: вся улица была покрыта обрывками платья, сброшенными шапками, на снѣгу были видны слѣды крови. Кое-гдѣ, прихрамывая, съ окровавленными лицами, въ разорванной одеждѣ, уходя, спасались побитые: нѣкоторыхъ вели подъ руки. Четверыхъ студентовъ (Попова, Филиппова, Протасова и Михайлова) стащили замертво въ клинику“.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ другіе корреспонденты сообщаютъ много возмутительныхъ подробностей: одному оторвали носовой хрящъ, другого повалили двое казаковъ на землю и били нагайками по животу.

Какую цѣль имѣла эта варварская потѣха—трудно сказать. Ни казаки, ни полиція никого не арестовали и не пытались арестовать: и тѣ, и другіе, гордые своимъ тріумфомъ, отправились во свояси. Аресты послѣдовали только на другой день. Начальство телеграфировало о своей побѣдѣ въ Петербургъ. Отсюда спросили только о числѣ взятыхъ въ плѣнъ. Харьковская администрація спохватилась, что надобно кого нибудь арестовать и пустилась по городу набирать студентовъ подъ арестъ, кого попало. Нахватали много лицъ, не бывшихъ въ этотъ день на улицѣ передъ университетомъ. Дѣлать нечего, полиціи надобно было имѣть арестованныхъ откуда бы то ни было. Каждый студентъ, кромѣ того, виновенъ уже въ томъ, что онъ студентъ. Стало быть, кого ни возьми—все будетъ ладно.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что администрація затѣвала и въ Харьковѣ устроить „проявленіе народнаго в рнаго смысла“ во вкусѣ Аксакова и „Московскихъ Вѣдомостей“. Погоняла извощиковъ, мелкихъ пріказчиковъ и дворниковъ „бить бунтовщиковъ“: противъ ожиданія полиціи, казацкія плети дѣйствовали слишкомъ усердно и собственноручное извощичье заявленіе правительственныхъ симпатій запоздало.

Надобно ли комментировать этотъ фактъ? Не правы ли были мы, когда въ воззваніи „Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ“ предрекали, что скоро будутъ душить и рѣзать студентовъ на улицахъ? Не правы ли были мы, когда сравнивали студентовъ съ лишенными всѣхъ правъ состоянія каторжниками? Спросимъ мы теперь, какой отвѣтъ возможенъ со стороны молодежи на эти травли пьяными казаками и жандармами? Имѣетъ-ли теперь она право своимъ судомъ вѣшать на осину такихъ бѣшеныхъ собакъ, какъ Зуровы и Мартенсы, или ей остается слѣдовать совѣту харьковскихъ профессоровъ и „заняться наукой“ въ ожиданіи новаго избіенія? Кстати, позволимъ себѣ усумниться въ искренности этого „искренняго слова“ харьковскихъ профессоровъ къ студентамъ, не говоря уже о его бестактности. Что бы сказалъ любой изъ нихъ, еслибъ ему дали оплеуху и, въ видѣ утѣшенія, посовѣтовали бы углубиться въ изученіе своей спеціальности?

Нашъ же совѣтъ студентамъ, какъ и всегда—продолжайте разъ начатое дѣло, не останавливайтесь на полдорогѣ, не создавайте въ своей молодости по лаго прецедента отреченія отъ своей цѣли при первой опасности.

Справедливости, правды и суда отъ правительства не ждите. Оно наградитъ генералами отъ кавалеріи своихъ баши-бузуковъ, а васъ угонитъ въ Восточную Сибирь.

Если вы бросите теперь ваше дѣло— всѣ жертвы рискуютъ пропасть даромъ, а между тѣмъ при настойчивости можно добиться кой-какихъ результатовъ.

Какъ на отрадный фактъ въ этомъ движеніи мы можемъ указать на записку совѣта петербургскаго университета министру народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію мѣсто намъ не позволяетъ ознакомить читателей съ этимъ любопытнымъ документомъ и мы выпустимъ его отдѣльнымъ приложеніемъ, изложивъ и исторію его возникновенія. Здѣсь же достаточно будетъ сказать, что въ числѣ причинъ, вызывающихъ волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,

въ немъ выставляется общее неудовлетворительное состояніе Россіи и преслѣдованія студентовъ III Отдѣленіемъ.

Мѣрами къ прекращенію волненій университетъ считаетъ возстановленіе своей автономіи и права защиты студенческихъ интересовъ въ столкновеніяхъ съ полиціей, возстановленіе студенческихъ учрежденій, уничтоженныхъ послѣ 1863 года.

Въ запискѣ много реакціоннаго, но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не поздравить петербургскій университетскій совѣтъ съ поступкомъ, достойнымъ порядочныхъ людей.

Подождемъ, что выйдетъ изъ этого ходатайства.

Говорятъ, что Толстой совершенно расходится съ Исаковымъ по вопросу о допущеніи студенческихъ сходокъ. Министръ народнаго просвѣщенія ставитъ, какъ говорятъ, ультиматумъ—или сходки или его отставка.

Такимъ образомъ, общество ждетъ двойное одолженіе: правильное рѣшеніе студенческаго вопроса и избавленіе нашей школы отъ синодскаго нашествія.

Какъ извѣстно, Толстой не министръ просвѣщенія, а министръ, оберегающій наше отечество отъ „вредныхъ послѣдствій просвѣщенія", если гдѣ таковое, помимо его стараній, проявится. Благодаря его стараніямъ, уже много земствъ махнули рукой на народное образованіе. Въ послѣднее время ему удалось доконать одно изъ самыхъ упорныхъ земствъ по части народнаго образованія—Тверское. Послѣ циркуляра поповствующаго графа, отнимавшаго у земства всякіе шансы на контроль надъ школой, послѣ закрытія учительской семинаріи, доказавшей свою зловредность тѣмъ, что она дала уже губерніи два выпуска хорошихъ педагоговъ, земство рѣшило вычеркнуть изъ своего бюджета расходы на народное образованіе, а имѣющійся на этотъ предметъ капиталъ отчислить въ запасныя суммы. Земство мотивировало свое рѣшеніе тѣмъ, что оно не можетъ обогащать населеніе, и безъ того уже обремененное налогами, на такіе предметы, по которымъ не можетъ контролировать расходовъ и дать отчетъ въ цѣлесообразномъ и добросовѣстномъ ихъ употребленіи.

Если съ одной стороны мы видимъ гоненіе земской инициативы въ сферѣ, отведенной ей закономъ, то съ другой стороны, въ прошломъ году нѣкоторыя земства пытались, наоборотъ, расширить сферу своей дѣятельности, стать дѣйствительными политическими органами мѣстнаго самоуправленія.

Правительство съ своимъ сообщеніемъ о преслѣдованіи зловредныхъ идей мѣстами напоролось съ ковшомъ на брагу. Оно думало получить въ отвѣтъ одно только „рады стараться!" и дюжину нигилистовъ, изловленныхъ на земскій счетъ, но получило изъ нѣкоторыхъ мѣстъ отвѣты, вродѣ слѣдующихъ: „Ты просишь нашей помощи, значитъ, должно признать въ насъ людей, имѣющихъ зрѣлый возрастъ, и право инициативы; помощь можетъ быть оказана тогда только, когда ты дашь намъ право такъ или иначе обсуждать политическіе вопросы". Приблизительно такой смыслъ имѣетъ предложеніе харьковскаго гласнаго Гордѣенко, принятое всѣмъ земскимъ собраніемъ.

Надѣемся передать записку г. Гордѣенко подробно въ слѣдующемъ №, пока же добавимъ только, что самъ Гордѣенко высланъ изъ Харькова административнымъ порядкомъ. Вотъ и правительственный отвѣтъ на ходатайство земства. Что касается до распространенія на Харьковскую губ. правилъ о печати, дѣйствующихъ въ столицахъ, то, въ замѣнъ этого, правительство нашло нужнымъ распространить на г. Харьковъ правила о полиціи, практикуемыя въ столицахъ.

Харьковское „требованіе конституціи" было не единственнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ. Въ Орлѣ, говорятъ, тоже заходила рѣчь о какомъ-то фортелѣ въ этомъ вкусѣ, но онъ былъ своевременно предупрежденъ администраціей. Болѣе извѣстна намъ сущность неудачной попытки попросить „конституціи" въ Полтавскомъ земскомъ собраніи. Послѣ чтенія правительственнаго сообщенія одинъ изъ гласныхъ высказался, что въ отвѣтъ на просьбу правительства о содѣйствіи надобно опредѣлить условія, при которыхъ такое содѣйствіе со стороны земства можетъ имѣть мѣсто. Мысль была одобрена собраніемъ и оно немедленно избрало коммиссію для изложенія въ ходатайствѣ на высочайшее имя соображеній о необходимости расширенія правъ земства. Слухъ объ всей этой исторіи дошелъ до губернатора. Надобно было случиться бѣдѣ, что губернаторъ затребовалъ къ себѣ предсѣдателя земскаго собранія какъ разъ въ то время, когда тотъ только-что получилъ рукопись коммиссіи. Начальникъ губерніи безъ труда выманилъ злосчастный документъ у растерявшагося предсѣдателя и посовѣтовалъ ему впредь на таковыя продерзости не посягать.

На другой день собраніе требуетъ отъ предсѣдателя чтенія доклада коммиссіи. Тотъ отказывается по „независящимъ обстоятельствамъ". Требуютъ занести отказъ въ протоколъ. Предсѣдатель отказывается „по независящимъ обстоятельствамъ". Дальше—больше, у предсѣдателя оказалось столько „независящихъ отъ него обстоятельствъ", что въ собраніи поднялся шумъ и протесты, такъ что несчастный предсѣдатель долженъ былъ закрыть собраніе, разумѣется „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ".

Осмѣливаемся думать, что, если бы остальныя земскія собранія рѣшились высказаться въ томъ-же духѣ, вѣроятно, на будущее время у нихъ было бы больше власти надъ обстоятельствами.

— Освобожденіе болгаръ имѣло своими результатами преслѣдованіе не однихъ студентовъ; оно захватило также и магометанское населеніе нашего востока. Изъ газетъ читателямъ извѣстно уже, что, благодаря умной затѣѣ казанскаго губернатора Скарятина вывѣшивать въ татарскихъ деревняхъ колокола на каланчахъ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ поднялось магометанское населеніе, избило старшину въ одной волости, изувѣчило писаря, и волненіе быстро сообщилось нетолько всему Чистопольскому уѣзду, но перешло и въ смежныя съ нимъ мѣстности.

Понятно, что колокола сами по себѣ не могли бы взбунтовать татаръ, еслибъ правительство раньше не дѣлало посягательствъ на ихъ религіозную свободу.

Посягательства такія бывали и особенно усилились они за послѣднее время. У татаръ было много своихъ школъ. Правительство принялось донимать ихъ разными косвенными путями. Немало было толковъ изъ за того, даетъ ли окончаніе курса въ татарскомъ училищѣ какія либо льготы по рекрутской повинности. Татары были очень недовольны, что ихъ школы ставятся ни во что. Кромѣ того, въ Казани существуетъ нѣмое учрежденіе — миссіонерское общество, братство св. Гурія. Ревнители этого общества распространяютъ безуспѣшно Христову вѣру среди татаръ при помощи исправниковъ.

Въ числѣ обратительныхъ и просвѣтительныхъ мѣръ въ послѣднее время выдумано было приписывать къ церковнымъ приходамъ цѣлыя татарскія деревни, если въ нихъ обитаетъ хоть одинъ христіанинъ. Эта мѣра, въ связи съ другими, при убѣжденіи, что отъ нашего правительства можно ожидать всего, и довела мусульманъ до открытаго сопротивленія властямъ. Если читатель припомнитъ, что половина населенія Казанской губерніи инородческая и треть этой половины—мусульмане, онъ не будетъ удивляться тому, что волненіе это растетъ очень быстро, что оно проникло уже и въ Бугульминскій уѣздъ Самарской губ. и охватило верхнюю часть Башкиріи.

Газеты, разумѣется поневолѣ, глухо сообщали о мѣрахъ усмиренія возмутившихся; поэтому русскій читатель вѣроятно и не знаетъ, что быстрота распространенія волненій отчасти обусловлена была и самыми мѣрами, принятыми противъ нихъ. Фантазія Скарятина не пошла дальше посылокъ военныхъ командъ и обозовъ съ розгами. Волосы становятся дыбомъ, при чтеніи писемъ объ этихъ кровавыхъ экзекуціяхъ! Количество засѣченныхъ до смерти еще не приведено въ извѣстность. Да это и трудно при такомъ обиліи жертвъ. Невѣроятный, но истинный фактъ: магометанское населеніе двухъ уѣздовъ Чистопольскаго и Казанскаго перепорото поголовно. Губернаторъ Скарятинъ всенародно объявилъ татарамъ, что онъ обратитъ ихъ мечети въ отхожія мѣста. Какое употребленіе обѣщалъ онъ сдѣлать изъ Корана, объ этомъ даже неудобно говорить въ печати. Гг. Фрилленъ, Мак-Гаханы и Гладстоны, гдѣ вы скрываетесь? Скоро-ли вы повѣдаете міру о новой Болгаріи и звѣрствахъ русскихъ въ Россіи?

Поголовная экзекуція двухъ уѣздовъ не лишена нѣкоторыхъ поучительныхъ эпизодовъ. Оказывается, что и въ поркѣ русское правительство избѣгаетъ всякихъ поводовъ къ смѣшенію сословій. Простыхъ мужиковъ, землепашцевъ, пороли прямо на снѣгу, зажиточныхъ, торгующихъ татаръ—на сундукахъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ разсказываетъ случай, отзывающійся анекдотомъ; мы бы и не привели его, если бы не знали корреспондента за человѣка серьезнаго, неспособнаго шутить такими вещами. Одного татарина выпороли демократическимъ способомъ, на снѣгу. Выпоротый заявилъ, что онъ торгующій. Для удовлетворенія его самолюбія начальство перепороло его на сундукѣ. Чисто восточная шуточка, не правда-ли?

Волненія впрочемъ не въ однихъ нашихъ старозавѣтныхъ областяхъ. Верхнюю Аджарію мы недавно облагодѣтельствовали своимъ присоединеніемъ и она уже возстала.

Волненіе распространилось и на Батумъ. Жители города и окрестностей оказались недовольны тѣмъ, что съ нихъ за право продажи десятка плодовъ и овощей на пѣшемъ базарѣ русскіе освободители теребили пошлины и взятки за торговыя свидѣтельства.

Очевидно, батумцы еще не знаютъ, что-такое русскій портофранко.

— Мы начали нашу хронику правительственными безобразіями — окончить ее приходится народнымъ бѣдствіемъ. Турки уплачиваютъ намъ контрибуцію чумой. Откуда попала къ намъ въ Россію чума? А помните прошлогодній загадочный тифъ въ закавказской арміи. Иностранныя газеты давно уже поговаривали, что въ русскихъ войскахъ чума; но патріотическіе публицисты, сидя въ Петербургѣ, съ негодованіемъ отвергали злонамѣренные слухи западныхъ газетчи-

ковъ,—и теперь мы вкушаемъ плоды патріотизма и нѣжной заботливости правительства.

Правительство и теперь не прочь подналуть насъ своими сообщеніями; и теперь пущенъ былъ въ ходъ фортель, что свирѣпствующая нынѣ въ Астраханской губ. болѣзнь — не чума, а какой-то тифъ, котораго никто никогда и нигдѣ не наблюдалъ въ формѣ эпидеміи; но сообщеніе доктора Деннера и 100% смертности показали всю несвоевременность такого утѣшенія. Плохо, точно также, утѣшаетъ публику и сообщеніе о томъ, что въ Царицынѣ нѣтъ эпидеміи. Скажемъ по секрету, что г. Маковъ самъ затребовалъ изъ Царицына успокоительную телеграмму. Подлинность этой телеграммы настолько-же достовѣрна, какъ и искренность чувствъ въ вѣрноподданническихъ адресахъ.

Шутки въ сторону, господа; бѣдствіе слишкомъ серьезно, чтобы можно было успокоиться на лживыхъ сообщеніяхъ нашего правительства. Германія и Австрія совокупно принимаютъ мѣры противъ русской чумы, а мы сидимъ и слушаемъ, какъ лгунъ Маковъ разводитъ бобы. Первое, что необходимо—это имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о несчастіи. Для этого было бы необходимо отправить на мѣсто не правительственныхъ чиновниковъ, а частныхъ лицъ, на счетъ которыхъ не можетъ быть сомнѣнія относительно ихъ честности и добросовѣстности. Они должны быть облечены правомъ требовать нужныя имъ свѣдѣнія, цифровыя и медицинскія данныя: администрація, подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности, должна предоставить указаннымъ лицамъ полную свободу дѣятельности. Отчеты этихъ лицъ должны печататься во всѣхъ газетахъ безъ измѣненія, безъ всякаго контроля цензуры и издателей.

Если болѣзнь и ослабѣваетъ теперь — болѣе вѣроятно, что она усилится весною. Если общество не возьметъ дѣло въ свои руки, разныя карантинныя мѣры послужатъ только для обогащенія воровъ. „Голосъ", отличающійся обыкновенно изобрѣтательностью и находчивостью, по поводу чумы сѣлъ панегирикъ молодежи, приписывая ее помочь общественному бѣдствію своимъ обычнымъ самопожертвованіемъ. „Голосъ" на этотъ разъ сказалъ правду: молодежь никогда не оставалась на второмъ планѣ, въ тылу піонеровъ, когда заходила рѣчь о страданіяхъ народа. Дѣло только въ томъ, что несчастія умудрили молодежь опытомъ. Прошлая война и многія другія событія показали ей, что она, погибая массами, помогала не русскому народу, а казнокрадамъ, которые грабили солдатскій сухарь, солдатскія подводы и т. д. Она убѣдилась въ безполезности жертвъ, когда у честныхъ людей связаны и руки, и языкъ, когда приходится, вмѣсто добраго дѣла, смотрѣть, какъ гибнутъ сотни людей изъ-за прихоти какого-нибудь мерзавца, и гибнуть самому, не имѣя возможности помочь.

Къ какой это молодежи, между прочимъ, взываетъ „Голосъ"? Вѣдь то, что называется „русской молодежью", гибнетъ не по днямъ, а по часамъ и безъ чумы. Административныя ссылки, политическіе суды и казацкія плети только и имѣютъ цѣлью выбить изъ молодежи „дурь", т. е. способность жертвовать собою для общаго блага, любовь къ народу и самостоятельность. Правительство наше не постыдилось сослать за студенческую сходку такихъ лицъ, какъ, напр., студ. Гончаровъ, перенесшій два тифа въ дѣйствующей арміи и увезшій турецкую лихорадку, единственную награду за дѣятельность, въ Вятку.

По послѣднимъ извѣстіямъ 6 чел. медицинскихъ студентовъ уѣхали уже на чуму.

Ваше Величество, готовьте имъ мѣсто въ Восточной Сибири, если они, чего боже сохрани, вернутся живы и здоровы.

Чума много опаснѣе войны, а потому и молодежь, идущую на чуму, надобно наказывать строже.

Буйная и зловредная молодежь идетъ умирать отъ чумы, а люди порядка, опора отечества и сочинители адресовъ приводятъ въ порядокъ свои дѣла и готовятся бѣжать отъ нея за границу. Консервативнымъ элементамъ такъ и подобаетъ поступать.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о чумѣ, считаемъ нужнымъ сообщить, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ зараженной мѣстности воцаряется полнѣйшій хаосъ. Извѣстно уже нѣсколько примѣровъ ограбленія каравановъ вооруженной рукой.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

По почину Германіи, почти всѣ континентальныя правительства объявили или готовятся объявить соціалистамъ открытую войну. Нельзя сказать, чтобы этой войны прежде вовсе не было: читавшіе иностранное обозрѣніе въ V т. „Впередъ" знаютъ, какими мѣрами германская полиція и буржуазное общество старались задержать ростъ соціаль-демократической пропаганды, какъ они преслѣдовали агитаторовъ, какъ подтасовывали результаты выборовъ въ рейхстагъ. Но все это были мѣры „незаконныя", война неправильная, такъ сказать, партизанская; теперь же полиція и ея добровольные помощники поступаютъ по всемъ „по закону", а „по закону—всѣмъ вѣдомо—лучше",—это и Щедринъ подтверждаетъ. Закрытіе обществъ и кружковъ, запрещеніе газетъ и книгъ, аресты, обыски, суды, въ видѣ чуть не Особаго Присутствія, словомъ — Берлинъ усердно старается приблизиться къ Петербургу. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Шуваловъ цѣлый мѣсяцъ жилъ въ германской столицѣ (во время конгресса): занимаясь рѣшеніемъ вопросовъ политики внѣшней, онъ, конечно, преподалъ Бисмарку надлежащіе совѣты и по части политики внутренней и успѣлъ въ достаточной мѣрѣ познакомить нѣмцевъ съ теоріей и практикой III Отдѣленія. Заключаемъ такъ потому, что Бисмаркъ чрезвычайно усердно хлопочетъ о кандидатурѣ Шувалова на мѣсто Горчакова. Германскому канцлеру принадлежитъ грандіозный планъ—организовать для борьбы съ соціалистами международное III Отдѣленіе, и онъ справедливо полагаетъ, что никто не можетъ оказать этому дѣлу столь существенныхъ услугъ, какъ бывшій шефъ жандармовъ въ должности русскаго канцлера. О международно-полицейскихъ мѣрахъ въ послѣднее время стали серьезно говорить не въ одномъ только Берлинѣ; мадридскія правительственныя газеты также стали усердно заниматься этимъ вопросомъ послѣ выстрѣла Монкуси. Поговариваютъ даже о коллективномъ давленіи державъ на Швейцарію съ цѣлью принудить ее отказать въ убѣжищѣ политическимъ эмигрантамъ. Впрочемъ, это — дѣло будущаго. Настоящее же представляетъ покуда только длинный рядъ отдѣльныхъ въ каждомъ государствѣ гоненій на соціалистовъ.

— Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Германіи. Дѣйствіе закона противъ соціалистовъ началось немедленно послѣ утвержденія его рейхстагомъ (9 октября); этотъ законъ исполняется съ истинно-нѣмецкою акуратностью и тщательностью. Въ теченіе перваго мѣсяца закрыто уже 135 соціалистическихъ (или заподозрѣнныхъ въ соціализмѣ) обществъ и кружковъ: многія общества, желая спасти свое имущество отъ полицейскихъ рукъ, добровольно прекратили свое существованіе. Запрещено множество газетъ и болѣе сотни книгъ и брошюръ на разныхъ языкахъ (въ томъ числѣ: всѣ сочиненія Бебеля, Бракке и Моста, шесть сочиненій Лассаля, между прочимъ и „Бастіа-Шульце изъ Делича", журналъ „Набатъ", „Исторія Парижской Коммуны" Артюра Арну и мн. др.). Эти цифры, весьма краснорѣчивыя для страны, въ которой родилась свободная наука, ежедневно возрастаютъ. Травля производится очень дѣятельно, такъ что теперь въ Пруссіи не осталось уже ни одной легальной соціалистической газеты, а въ другихъ мѣстностяхъ Германіи—всего 2—3. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ новогоднемъ отчетѣ, заявляетъ, что вслѣдствіе энергичныхъ мѣропріятій, соціально-демократическая агитація въ Германіи почти совершенно прекратилась. Не слишкомъ-ли скоро? Извѣстно, что тотчасъ-же послѣ запрещенія легальныхъ изданій начали работать тайные станки и появилось довольно много изданій „нецензурныхъ"—брошюръ и газетъ. О обенно жалуются вѣрноподданные нѣмцы на листокъ „Ціанъ-Кали", распространяемый во множествѣ экземпляровъ и нещадно бичующій правительство и общество.

Въ теченіе того-же перваго мѣсяца въ одномъ Берлинѣ произведено, по словамъ газеты „Германія", до 800 обысковъ — цифра невѣроятная, изумляющая даже насъ, людей, привыкшихъ къ титаническимъ подвигамъ полиціи. Въ этомъ отношеніи Берлинъ далеко оставляетъ за собою Петербургъ и Москву, потому что у насъ не наберется такого числа обысковъ и за цѣлый годъ. Разыскиваютъ и отбираютъ преимущественно запрещенныя вещи и книги, а также портреты Бебеля, Лассаля и другихъ вождей соціально-демократической партіи и старые нумера соціалистическихъ газетъ, теперь запрещенныхъ.

Наконецъ, съ пріѣздомъ императора, „въ видахъ его личной безопасности", въ Берлинѣ введено „малое" осадное положеніе, заключающееся, во первыхъ, въ томъ, что обывателямъ запрещено носить оружіе, и, во вторыхъ, въ томъ, что полиціи предоставлено безграничное право высылать изъ столицы кого угодно, не взирая ни на какіе „права" и „законы". Пользуясь этой „свободой", полиція уже выслала изъ Берлина болѣе 100 чел., въ томъ числѣ и двухъ депутатовъ: Гассельмана и Фритцше, не заботясь о томъ, что личность депутата по основному закону считается неприкосновенною. Въ настоящее-же время нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ сообщаютъ навѣрное, что и остальные семеро депутатовъ-соціалистовъ, въ силу закона о „маломъ осадномъ положеніи", будутъ высланы изъ Берлина немедленно, какъ только явятся туда, для присутствія въ рейхстагѣ.

— Процессы по поводу „оскорбленія величества" тянутся нескончаемой вереницей; въ числѣ обвиняемыхъ находятся солдаты, танцовщицы, лавочники, даже 12-лѣтнія дѣти, но всего болѣе рабочихъ. Должно-быть, много злобы накопилось у нихъ на сердцѣ, если, не смотря на тяжелую кару (до четырехъ лѣтъ тюрьмы), человѣкъ не можетъ удержаться, чтобы не помянуть своего „добраго короля" крѣпкимъ словцомъ!

— Свобода мнѣній, какъ принципъ общественной жизни, далеко еще не вошелъ въ плоть и кровь нетолько Германіи, но и болѣе

демократическихъ государствъ. Свободная Швейцарія, можетъ быть подъ вліяніемъ сосѣднихъ государствъ, а можетъ быть и по собственной иниціативѣ, запретила изданіе газеты „Авангардъ", замѣнившей собою издававшійся раньше „Бюллетень Юрской Федераціи". Ареной его распространенія была главнымъ образомъ Франція. На этотъ маленькій листокъ давно уже точили зубы французскіе буржуа, и либеральная, демократическая Швейцарія не постыдилась отнять у соціалистовъ, въ угоду сосѣдямъ-лавочникамъ, послѣдній способъ высказывать свои мысли — путемъ потаенной прессы. Подобные факты, впрочемъ, случались въ Швейцаріи и раньше. Года три тому назадъ Жуковскій, Лефрансе и Томашо, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, издавали журналъ „Коммуна". Четыре тетради вышли благополучно, къ пятой придралась полиція и поставила редакторамъ на выборъ: или прекратить изданіе, или измѣнить заглавіе. Пятый номеръ вышелъ безъ всякаго заглавія, но безъ измѣненія содержанія его. Примѣровъ подобныхъ чисто дѣтскихъ придирокъ швейцарской полиціи къ соціалистамъ можно насчитать безчисленное множество. Напомнимъ читателю позорное поведеніе бернской полиціи во время празднованія 18 марта въ 1876 г. и еще болѣе позорный процессъ по поводу этого праздника, бывшій въ августѣ того-же года.

— Интернаціональные шпіоны, съ Бисмаркомъ во главѣ, орудуютъ на Западѣ, русскіе обдѣлываютъ хорошія дѣла въ ново-освобожденной Румыніи. Одинъ изъ проживавшихъ тамъ русскихъ, Кацъ, получилъ письмо, приглашавшее его явиться на одну изъ станцій желѣзной дороги, находившуюся вблизи русской границы. Кацъ отправился, прибылъ на мѣсто и силкомъ былъ схваченъ тутъ русскими жандармами: такимъ образомъ его выкрали. Въ настоящее время Кацъ, какъ трофей, привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и сидитъ въ крѣпости. И послѣ такихъ продѣлокъ еще находятся люди, упрекающіе насъ за то, что мы пускаемъ въ ходъ оружіе противъ правительственныхъ агентовъ.

— Недавно газеты сообщали о результатѣ суда надъ 16 пражскими соціалистами: изъ нихъ 13 приговорено къ двумъ, а 2 къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

— Читателямъ извѣстны изъ русскихъ газетъ подробности варварской казни Хуана Рамони Оливы И'Монкуси, поэтому мы не будемъ распространяться объ ней. Мы должны здѣсь, кстати, извиниться передъ читателемъ, что за недостаткомъ мѣста мы снова принуждены отложить до слѣдующаго № изложеніе біографическихъ свѣдѣній объ этой замѣчательной личности.

— Хронику мрачныхъ продѣлокъ реакціи мы заключимъ фактомъ, дающимъ надежду на лучшее будущее. Франція, какъ кажется, возстаетъ отъ своего утомительнаго сна и снова становится во главѣ бойцевъ прогресса и революціи. Отставка Макъ-Магона, отказъ отъ президентства Дюфора, президентство Греви — все это пахнетъ общей амнистіей. Старые, испытанные бойцы революціи возвращаются изъ изгнанія, изъ ссылокъ и тюремъ. Фактъ этотъ не останется безъ вліянія на ходъ событій Европы. Граждане, да здравствуетъ коммуна, да здравствуетъ соціальная революція! Вотъ нашъ привѣтъ возвращающимся мученикамъ. Имъ мы и закончимъ нашу хорнику.

НА СВѢЖУЮ ВОДУ!

(извѣстія, замѣтки, слухи, курьезы.)

— 15-го января на извѣстной уже нашимъ читателямъ Новой Бумагопрядильнѣ было вывѣшено объявленіе объ исключеніи 44 ч.

По ходившимъ среди рабочихъ слухамъ, это были „политически-неблагонадежные" — бунтовщики, какъ ихъ называетъ начальство.

Объявленіе было вывѣшено утромъ, а въ 12 ч. дня ткацкое отдѣленіе фабрики уже прекратило работу, требуя отмѣны неслыханнаго распоряженія.

Кромѣ того, рабочіе потребовали сокращенія рабочаго дня на 2¼ ч., увеличенія заработной платы на 5 к. за кусокъ, уничтоженія штрафовъ за поломку машинъ во время производства работы, присутствія рабочихъ депутатовъ при пріемѣ сработанныхъ кусковъ и, наконецъ, изгнанія съ фабрики нѣсколькихъ ненавистныхъ рабочимъ мастеровъ и подмастерьевъ.

Примѣръ подѣйствовалъ заразительно: 16-го числа произошла забастовка на фабрикѣ Шау, 17-го — прядильное отдѣленіе Н. Бумагопрядильни присоединилось къ стачкѣ. Единодушіе между рабочими полное, требованія вырабатываются сообща, въ пользу недостаточныхъ рабочихъ дѣлаются сборы.

Мы отлагаемъ до слѣдующаго № въ высшей степени интересныя подробности этой первой стачки, гдѣ рабочіе разныхъ фабрикъ дѣйствуютъ сообща; въ настоящее же время, мы обращаемся ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу борьбы рабочихъ съ нанимателями съ приглашеніемъ оказать помощь денежнымъ сборомъ въ пользу стачечниковъ.

— Вообще, въ послѣднее время является много поводовъ къ заостренію неудовольствія рабочихъ. Такъ, напр., въ вагонной мастерской Главн. Общест., за Невской заставой, какъ насъ извѣщаютъ, съ поступленіемъ новаго управляющаго, стали особенно тѣснить рабочихъ: 15-го декабря было неожиданно разсчитано 250 ч., и съ тѣхъ поръ почти дня не проходитъ безъ новыхъ разсчетовъ. Это сильно возбуждаетъ неудовольствіе рабочихъ. 13-го января администрація завода уже прямо смошенничала при разсчетѣ, выдавши рабочимъ едва третью часть слѣдуемыхъ имъ денегъ — отъ 5 до 25 р. вмѣсто 20—50, а за тѣмъ было объявлено, что за отдѣлку вагона будутъ платить вмѣсто 165 р. — 75 р., менѣе, чѣмъ вдвое!

— Предсѣдатель касс. деп. прав. сената, баронъ Торнау, былъ вынужденъ подать въ отставку, вслѣдствіе разоблаченій, сдѣланныхъ во время процесса Гулакъ-Артемовской. По отзыву министра юст., баронъ Торнау дѣйствительно „провелъ" одно дѣло г-жи Артемовской „не безъ пристрастія". Не мѣшало бы, однако, ради послѣдовательности, удалить отъ должности и самого г. министра.

Министръ юст. Набоковъ былъ долженъ г-жѣ К. 14 т. р. по заемному письму. Г-жа К. имѣла дѣло съ касс. деп. прав. сената, по поводу духовнаго завѣщанія ея мужа, и просила Набокова похлопотать о рѣшеніи дѣла въ ея пользу. Набоковъ похлопоталъ, и г-жа К. выиграла дѣло. Вслѣдъ затѣмъ, когда министру пришлось уплачивать свой долгъ по заемному письму, онъ отдаетъ г-жѣ К. только 10 т. р. Г-жа К. освѣдомилась, когда можно будетъ получить остальныя 4 т. р. „Нужно же во что нибудь цѣнить и ходатайство", отвѣчалъ г-нъ министръ. Имѣя еще и другія дѣла въ сенатѣ, г-жа К., конечно, не рискнула возражать противъ основательности такого разсужденія.

Увѣряютъ, однако, что, потерявши мѣсто, бар. Торнау не лишился монаршаго благоволенія. Этимъ онъ обязанъ своему „всеподданнѣйшему докладу", поданному имъ по случаю стряхнувшихся надъ нимъ невзгодъ. Здѣсь баронъ выставляетъ на видъ, что наши суды обнаруживаютъ постоянное стремленіе подкапывать государственную власть, въ лицѣ ея представителей; онъ же, бар. Торнау, наоборотъ, всегда стремился поддерживать авторитетъ власти и собственно по этой причинѣ нетолько не явился на судъ, но во время засѣданія нарочно прогуливался по Невскому, дабы твердо установить передъ обществомъ надлежащее отношеніе лица, высокопоставленнаго по монаршей милости, къ суду общественныхъ представителей. На этомъ интересномъ документѣ государь императоръ соизволилъ собственноручно начертать: „благодарю".

— За послѣднее время правительство пытается вооружить войск противъ революціонеровъ, прибѣгая къ самымъ недобросовѣстным выдумкамъ. Такъ, въ началѣ декабря гг. гвардейскимъ офицерам сообщалось, что, по полученнымъ, будто бы, III Отд. свѣдѣніямъ, ре революціонеры намѣреваются перерѣзать всѣхъ офицеровъ гвардіи

Намъ передавали также достовѣрный случай, какъ одинъ сыщикъ встрѣтившись съ какимъ-то офицеромъ, назвался соціалистомъ грозилъ отъ имени послѣднихъ рѣзней, направленной противъ офицерства вообще. — Нечего и говорить, что все это самая нагла ложь. Русское правительство рѣшительно идетъ по стопамъ Наполеона III, съ его агентами-подстрекателями и ложью, возведенно въ принципъ.

— Во время безпорядковъ въ М. Х. А. въ газетахъ было помѣщено извѣстіе о самоубійствѣ капитана финляндскаго полка, Палина. Говорятъ, что это самоубійство было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Командиръ полка приказалъ Палину вооруженн силой разогнать студентовъ. Палинъ отвѣчалъ, что онъ не може этого сдѣлать. Тогда командиръ сдѣлалъ предписаніе о преданіи е военному суду за ослушаніе. Не желая попасть на каторгу, Пали предпочелъ застрѣлиться.

— Говорятъ, будто 35 офицеровъ московскаго полка обращали не очень давно къ военному министру съ просьбой о разрѣшен устроить подписку въ пользу студентовъ, пострадавшихъ во вре послѣднихъ волненій. Милютинъ, разумѣется, отказалъ самымъ гр бымъ образомъ.

— По поводу генерала Мацилевича, обвинявшагося въ растра полковыхъ суммъ, фельдмаршалъ Николай Николаевичъ Числовъ же рѣшился сказать свое слово и далъ похвальную атестацію пр восходнѣйшему генералу и человѣку. Кто въ союзѣ съ ворами разбойниками? — спросимъ мы у гг. Краевскаго и Бильбасова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. — За недостаткомъ мѣста статьи, помѣщенн въ содержаніи: „Съ донецкой каменноугольной желѣзной дорог „Правительственные документы" и „Библіографія", не вошли въ этотъ Впредь содержаніе будетъ помѣщаться въ концѣ №.

— Получено въ редакціи: 6 р. отъ П., 2 р. 50 к. отъ И. К. С., 8 отъ НН и 3 р. отъ гвард. офицера; — 40 р. на дѣло отъ Ш. и 44 для передачи пропагандисту (передано).

ОПЕЧАТКА. На стран. 7-й, 1-го столб., 29-я строка сверху, напечатано: „Лжедмитрій", вмѣсто „Лжеконстантинъ".

Печ. въ „Петербургской Вольной Типографіи" 23 января 18

Государственный музей политической истории России
К.П. 51106/49
Фонд XIV
Инв. № 124
- 5.12
Гос. музей Секретной Сибирской Социалистической Революции
II ФОНДЫ
Инв. № 12000